

Воинами не рождаются

ЭЛЕКТРОННАЯ
БУКВА 2024 №1

ЛОНГ-ЛИСТ

Литрес

Светлана Танина
С запахом
лаванды
и пепла

Светлана Панина

С запахом лаванды и пепла

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70285303

SelfPub; 2024

Аннотация

Яна ехала в Севастополь, чтобы помочь больному дедуле и выяснить, наконец, почему мама не может сюда вернуться. Но город не так мил и безопасен, как она думала. Там водятся мантикоры, черти, вампиры и даже дракон. Да и тихая улочка, где ей предстоит жить – не такая тихая. Странные соседи из лавандового особняка – какие секреты они скрывают? И как с этим связан ее дедушка? И зачем на самом деле ее вынудили бросить вуз и приехать в Севастополь? Городское фэнтези про современных ведьм и ведьмаков, пропитанное старым роком, запахом моря и крымских трав и вкусом кофе.

Содержание

Плейлист	4
Пролог	7
Глава 1. Дедуля	12
Глава 2. Первый звоночек	28
Глава 3. Глупость	45
Глава 4. Сюрпризы. Опять сюрпризы	65
Глава 5. Свидание	87
Глава 6. Похмелье	100
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Светлана Панина

С запахом лаванды и пепла

Плейлист

Hidden Citizens feat. Ruelle – “Nothing Is As It Seems”

Volbeat – “Maybe I Believe”

Sunrise Avenue – “I Help You Hate Me”

Five For Fighting – “Tuesday”

F.R. David – “Pick Up the Phone”

AC/DC – “Highway to Hell”

Gary Moore – “One Day”

Foreigner – “I Wanna Know What Love Is”

Эпидемия – “Час испытания”

Foreigner – “Cold As Ice”

Foreigner – “Blinded by Science”

Ария – “Машина смерти”

The Чиж & Со – “О любви”

Bon Jovi – “Wanted Dead Or Alive”

Kiss – “I was born for loving you baby”

Sonnet Son – “I'm Not A Warrior”

[Яндекс.Музыка](#)

Пролог

– И получается, что сумма двух совместных событий равна сумме вероятностей этих событий без учета их совместного появления... Надеюсь, это понятно...

Профессор постучал ручкой по доске, привлекая внимание к формуле, бросил взгляд в аудиторию, ожидая вопросов. Студенты молчали. Кое-кто откровенно позевывал, какая-то девушка, не таясь, читала новый роман Лукьяненко, кто-то слушал музыку, едва слышно отбивая ногой ритм, двое на галерке играли в морской бой, по-старинке на листочках в клеточку, перебрасываясь громким шепотом: “Е-2?” – “Блин, да хватит, ранил!” – “Иии... Е-3?” – “Убил, заррраза!”. Тервер никого не интересовал. Еще и сквозь высокие окна лекционной аудитории светило не осеннему яркое солнце, нагревало воздух, делая атмосферу лениво-сонной и совершенно нерабочей.

Профессор поджал губы, поглядел на часы – до конца пары оставалось чуть меньше десяти минут. На его лице мелькнула усмешка.

– Подробнее это разберем на практическом занятии. Сейчас свободны.

Вот это привлекло внимание, на профессора уставилась почти сотня глаз. Мгновение в аудитории висела недоверчи-

вая тишина, а потом кто-то потянулся за сумкой и тут же лица повеселели, зашуршали тетради, захлопали крышки ноутбуков, завжикали молнии, защелкали застёжки... Аудитория опустела меньше чем за минуту. Кроме профессора в аудитории остался лишь один студент. Высокий, мускулистый, с небрежно взлохмаченными волосами. Черная косуха поверх белоснежной футболки, дорогие кроссовки. Взгляд нахально-самоуверенный, будто замыслил шалость. Такому место в столичном баре, а не в лекционной аудитории провинциального вуза. В отличие от остальных студентов он не спешил, лениво спускался с последних рядов, наблюдая, как профессор возится с пожелтевшими от времени распечатками, время от времени замирая и прикрывая глаза, будто от удовольствия. Взгляд парня стал насмешливым: его забавлял и невзрачный мешковатый профессорский костюм, и потерянный дипломат родом из девяностых, и тень странного наслаждения на морщинистом лице.

Когда оставалось спуститься всего несколько ступеней, парень остановился, повертел в руке пузырек с яркой фиолетовой жидкостью. Тихо кашлянул.

Профессор поднял на него взгляд:

– Вы что-то хотели?

– Скажите, профессор, – улыбнулся парень, – а какова вероятность, что через минуту я намокну?

Пузырек изящно перелетел из одной руки в другую. Профессор замер, уставившись на него. А парень улыбнулся еще

шире, подтверждая его догадку. На мгновение их взгляды встретились: напряженный профессорский и полный азарта студенческий. А потом профессор помрачнел, как-то даже потемнел и начал стремительно меняться. Тело потянулось вверх, руки и ноги нелепо удлинились, заострились когтями, кожа чернела, покрывалась скомканной, сбитой в колтуны шерстью, лицо вытягивалось, приобретая звериные черты. Наконец, монстр встал на задние лапы, за спиной распахнулись мощные крылья, взметнулся длинный скорпионий хвост – с его острого конца сорвалось несколько коротких стрел и полетели в студента.

Не растерявшись, тот нырнул под ближайший стол, а стрелы вонзились в мебель и пол.

То, что минуту назад было профессором, на метр поднялось в воздух и что-то прорычало.

Студент на мгновение показался над столом, метнул флакончик, следом – второй такой же, и снова юркнул под защиту столешницы.

Демон выпустил вторую порцию стрел, но бестолку – флакончик разбился о его грудь удивительно легко, потекла фиолетовая жидкость, много, будто в пузырьке ее было не с наперсток, а с большой ковшик. Демона отбросило назад, он зарычал от боли и стал стремительно светлеть и раздуваться, будто воздушный шар, который наполняют водой. Пара секунд – и с громким хлопком демон взорвался.

Подождав несколько мгновений, парень вылез из-под сто-

ла, огляделся, удовлетворенно хмыкнул. Противную белесую жижу разметало по всей аудитории, густо пахло то ли прелыми водорослями, то ли болотной тиной с примесью сероводорода.

– Ноль процентов, – самодовольно буркнул парень, отвечая на свой же недавний вопрос, и поправил косуху. Вытащил из кармана перчатку из плотной чешуйчатой кожи, такой же мешочек, осторожно собрал все стрелы и только затем направился к выходу из аудитории. Взгляд его хмурился, что-то ему не нравилось, но сейчас нужно было убраться подальше. Он плотно закрыл дверь, развернулся, чтобы уйти, и чуть не столкнулся с какой-то студенткой.

– Это 419? – спросила та.

– Тервера сегодня не будет, – отмахнулся парень.

– Но у меня право.

– Точно не в этой аудитории, – самодовольно улыбнулся он и поспешил прочь.

На лестнице притормозил, приобнял пожилую уборщицу, что намывала ступени. Та вздрогнула, развернулась.

– Снова ты, окаянный! Ты же выпустился!

– Выпустился, выпустился! – подтвердил парень и задорно чмокнул уборщицу в щеку. – Теть Лид, в 416 какую-то хрень вонючую разлили, убрать бы надо.

– Да чтоб тебя!

– Не меня, жижу! – на ходу хохотнул парень, и, перепрыгивая через две ступени, понесся прочь из лекционного бло-

ка.

Глава 1. Дедуля

Севастополь встречает теплом и ярким солнцем. И не скажешь, что сейчас самое начало октября, по ощущениям – конец лета, даже деревья едва тронула желтизна. Бреду по перрону, колесики сумки мерно стучат на стыках тротуарной плитки. Игнорирую зазывал-таксистов и пытаюсь вспомнить, куда засунула солнечные очки. Судя по всему, быстро их не найти. Может, стоит снять пальто? Местные одеты легко, кое-кто даже в футболке, но мне боязно. Трудно перестроиться – в Питере, откуда я приехала, уже настоящая осень, сырая и хмурая. Ничего, потерплю, мама обещала, что идти мне недолго.

Миную здание вокзала, кое-как спускаю сумку по невысокой лестнице, пересекаю небольшую привокзальную площадь... и упираюсь в забор.

– Блин, мама...

“Напрямик пройдешь, через пути, выйдешь прямо к Автовокзалу, а там рукой подать, дорогу перейдешь – и считай пришла...”

Ага, как же...

Очень хочется психануть и расплакаться – меня вообще не должно здесь быть! Наверное, плохо так говорить, в Севастополь я приехала не отдыхать на море, а помочь больному дедуле, но чувства именно такие.

Звонит телефон. Судя по мелодии – мама. Будто почуяла мое состояние за две тысячи километров. Отвечать не спешу. Сперва убираюсь с дороги, пристраиваю сумку, сбрасываю рюкзак, выдыхаю и только потом принимаю вызов:

– Мам, я понимаю, что ты тут двадцать лет не была, но как бы... Тут все поменялось! Тут забор!

Мама спокойна как удав:

– И тебе привет, лягушонок. Добралась?

– Привет. В процессе, – бурчу недовольно. – Нет тут прохода по путям, как ты говорила! Забор поставили, все перегородили.

Мама удивленно хмыкает:

– Обидно. Но там и в обход недалеко.

Фыркаю в ответ. Даже комментировать не хочу. Справа – подъем к дороге, по которой плотным потоком едут машины, слева – закрытые ворота. Впереди за забором – железнодорожные пути, за ними – высоченные пирамидальные деревья, видимо, те самые севастопольские тополя, про которые любит вспоминать мама, а еще дальше – холмы, усыпанные невысокими частными домиками. Ни автовокзал, ни автобусы разглядеть не могу. Чувствую отчаяние. Город совсем не кажется приветливым, когда нужно топтать по утренней жаре неизвестно куда, да еще и с тяжелой сумкой, даром что на колесах, и с рюкзаком за плечами. Восторг, который испытала, увидев за окном вагона море, вмиг испаряется.

– Ну прости, дочь. Кто ж знал. Всю жизнь так ходили. Хо-

рошо, не отправила тебя еще более короткой дорогой, сейчас бы возвращаться пришлось.

– Всю жизнь... Мам, ты когда тут последний раз была? Хоть бы у дедули спросила!

Теперь она молчит. Да-да, я знаю: запрещенный прием, маме нельзя появляться в Севастополе. Почему – понятия не имею, этого мне не говорят, знаю только, что буквально под страхом смерти. Верю не столько словам, сколько ужасу, что мелькает в маминых глазах каждый раз, когда речь заходит о поездке в Севастополь. Звучит как бред, но я всю жизнь слышу это “нельзя” и от мамы, и от дедули, а за последние пару недель – так ежедневно. И если честно, я устала от этих семейных секретов и скелетов в шкафах. Поэтому не могу не уколоть.

– Ладно, разберусь, не маленькая, – стараюсь, чтобы голос звучал спокойно. – Навигатор мне в помощь.

– Позвони, как доберешься, – слышу напоследок. – Я волнуюсь.

Не понимаю, чему тут волноваться. Я давно не ребенок, два года как совершеннолетняя, да и город не криминальный. Но по голосу слышу: мама реально волнуется. Поэтому не спорю:

– Всенепременно.

Оглядываюсь. Небольшая привокзальная площадь напоминает муравейник: машины снуют туда-сюда, люди суетятся и перекликаются, колесики сумок шуршат по асфальту.

Провожая взглядом одно из отъезжающих такси, потом долго смотрю на небо: высокое, ярко-голубое, без единого облачка. Решаюсь, снимаю пальто – свежо, но не холодно. Не замерзну. Стягиваю с запястья резинку и собираю волосы в хвост. Нахожу адрес дедули и строю в навигаторе маршрут – меньше километра, и впрямь недалеко. Сую в уши наушники-капли, включаю “Мою волну”. Алиса будто чувствует, что мне нужна поддержка – под бодрую “Maybe I believe” Volbeat¹ кое-как поднимаюсь на холм – старый асфальт кое-где разбит. Но на мосту все меняется, идти становится легко. Колеса сумки мягко скользят по новой дороге. Солнце не жарит, наоборот, греет макушку и поднимает настроение. Если не психовать и драматизировать, оказывается, Севастополь уютный и удивительно зеленый город. Насколько вижу, деревья тянутся по обеим сторонам улицы. Одно слово – юг. А ведь совсем рядом плещется и серебрится на солнце море, я любовалась им почти до самой остановки поезда, и мне даже кажется, я чувствую в воздухе его легкий соленый запах.

К автовокзалу подхожу под Sunrise avenue². Настроение медленно улучшается, шаг сам подстраивается под четкий ритм задорной “I help you hate me”. Пока стою на светофоре, осматриваюсь. Здание автовокзала симпатичное, но совсем

¹ Датская метал-группа, очень популярны в Европе. Яна слушает песню “[Может быть я верю](#)” из альбома 2019 года.

² Финская рок-группа, существовала с 2002 по 2020 год. Яна слушает песню “[Я помогу тебе меня ненавидеть](#)” из альбома 2017 года.

небольшое, прячется за высокими тополями – не удивительно, что не смогла разглядеть его от железнодорожного вокзала.

Перехожу дорогу, огибаю небольшой рынок и оказываюсь на улице Ревякина. Если верить навигатору, я почти пришла. Здесь зелено так, что жилых домов не видно. А еще тихо и пустынно. Зато над ближайшим забором висит грузовик – неожиданная инсталляция. Даже останавливаюсь на пару секунд, чтобы сфоткать. И эта заминка сбивает.

В груди становится тревожно – волнуюсь перед встречей с дедулей. Никогда его не видела вживую. Я люблю дедушку, правда, и всегда мечтала о встрече. Но маме нельзя в Севастополь, а дедуля живет один и почему-то не может оставить дом ни на день. Такая вот мы чудная семейка. Нет, мы не чужие и связь не потеряли, постоянно общаемся по Телеграму, а до того – по Скайпу, но это совсем не то, что живьем. К тому же я понятия не имею, как на дедулю повлияла болезнь. Мама наверняка сгустила краски, чтобы убедить меня бросить все и приехать. Но если она не лукавила и дела действительно очень плохи? Что меня ждет? Как я это вывезу одна? Вздыхаю и бреду дальше. Отвлекаю сама себя, подмечая аптеку и супермаркет, продуктовые магазинчики, разглядывая саму улицу: невзрачную, местами потрепанную и облезлую, будто застрявшую в прошлом. Но чем-то она меня цепляет, даже возникает чувство, что жизнь моя сейчас делает правильный поворот. Станный, не очень привлекательный, но

очень правильный. Даже кажется, что-то манит вперед, будто я знаю, куда идти.

“Моя волна” улавливает смену настроения, и к нужному дому подхожу под лиричную “Tuesday” Five For Fighting³. Останавливаюсь перед лестницей из двух коротких пролетов, гляжу на небольшую возвышенность. Там, за невысокой оградкой, утопает в зелени одноэтажный домик под скатной шиферной крышей. На мгновение испытываю разочарование, до того он простой и невзрачный. Обветшалым не выглядит, но краска местами смылась, штукатурка кое-где треснула, окна наполовину скрывают высокие кусты с крупными фиолетовыми цветами – гибискусы. Зато справа за надежным забором виднеется настоящий особняк внезапно лавандового цвета: высокие окна, округлый кованый балкон на втором этаже, черепичная крыша, есть даже башенка и флюгер в виде двух котов: один черный, второй – золотой. С надеждой проверяю, не ошиблась ли адресом – увы, все верно, мне в неказистую хибарку. Вздыхаю. Песня заканчивается, я убираю телефон и наушники и тяну сумку по лестнице, что ведет к ограде. Ступенек не так много, но к концу подъема успеваю взмокнуть.

Дверь в дом распахивается, едва я миную садовую калитку.

– Все, все, Юленька, она тут, не кипишуй, – говорит де-

³ Five For Fighting – псевдоним Владимира Джона Ондра́сика, американского певца и автора песен. Яна слушает “[Четверг](#)” из альбома 2009 года.

дуля, глядя на экран смартфона.

Понятно, мама не утерпела, позвонила по Телеграму, чтобы через дедулю все контролировать.

– Я тут, мам, не переживай уже! Вечером позвоню! – успеваю выкрикнуть я, прежде чем дедуля завершает вызов.

– Яночка... – он широко улыбается мне.

Несколько секунд молча глядим друг на друга. Дедуля почти такой же как на видео, разве что волосы в беспорядке, да щеки бледнее, чем обычно. Он протягивает руки, я сбрасываю со спины рюкзак и бросаюсь в его объятия. Не знаю, кто из нас стискивает другого крепче. У меня точно ребра хрустят. Я ждала, дедуля будет слабым, что от него будет пахнуть лекарствами, больницей или чем-то подобным, но ощущаю лишь приятный аромат то ли одеколona, то ли шампуня. Чувствую, как подкатывают слезы, и утыкаюсь носом в его плечо. Эмоции странные: рыдание рвется, но мне очень хорошо, будто тяжесть с души убрали. Испытываю необоснованное облегчение, граничащее с абсолютным счастьем. Отпускать дедулю не хочется, вдруг это чувство пропадет, поэтому обнимаю его еще крепче, но дедуля отстраняется, чтобы рассмотреть меня. Я не выпускаю его руки и разглядываю в ответ. Дедуля крепкий, жилистый, на ногах стоит твердо, даже не подумаешь, что тяжело болен. И одет модно: серая майка, джинсы, синяя флисовая рубашка в клетку. Седая борода и волосы аккуратно подстрижены. Лицо в морщинах, глаза зеленые с крапинками, точно как у мамы,

и в них тоже поблескивают слезинки. Зато нос точь-в-точь как мой.

– Дедуля, ты такой красивый! – улыбаюсь и всхлипываю одновременно.

– Ну-ну, это ты у меня красавица, – он щурится в ответ, легко проводит пальцем по едва заметному шраму у меня на лбу, гладит по волосам, бережно стягивает резинку и отступает на шаг, чтобы разложить мои белокурые локоны по груди и плечам. От его взгляда внутри тепло и опять хочется плакать. – Копия мать.

– Ага, только фирменные зеленые глаза зажали, а взамен подсунули серые и нелепый лягушачий рот, – отшучиваюсь я. – Так себе компенсация.

Дедуля на мгновение мрачнеет, проводит пальцем по моему носу.

– Главная фамильная ценность на месте, а остальное – мелочи жизни.

Хмыкаю в ответ. А дедуля спохватывается, что так и стоим в саду. Тянет меня в дом, пытается забрать сумку или хотя бы рюкзак. Не даю. Вместо этого всучиваю ему пальто и затаскиваю вещи внутрь.

В доме тепло, свет золотистый, уютный. И опять ничего не напоминает о болезни. Прибрано, разве что на диване смятые подушка и плед. Лекарств не видно. Вкусно пахнет яблоками и слобой – дедуля готовился к моему приезду. Иду на запах, быстро нахожу кухню: там на столе миска с вино-

градом и большая корзина с булочками-плюшками и пирожками. Смотрю на дедулю с укоризной:

– Ну зачем, тебе же лежать надо...

Дедуля будто не понимает упрек:

– А на полках есть вишневая...

– Пастила!

Знает, как меня отвлечь! Бросаюсь к шкафчикам, но замираю, понимая, что не ориентируюсь на этой кухне. Оборачиваюсь, надеясь на подсказку. Дедуля улыбается, вокруг глаз собираются многочисленные морщинки.

– Верхний шкафчик справа от окна открывай.

От восторга дух сводит – весь шкафчик заставлен стеклянными банками с пастилой, обе полки. Взгляд скользит по самодельным этикеткам: тут не только моя любимая вишневая, есть яблочная, клубничная, сливовая, ежевичная, кизилловая, даже из шелковицы и лавандовая. Таких я никогда не пробовала! Недолго раздумываю и выбираю шелковичную. Вытаскиваю свернутую рулетиком полоску пастилы и отправляю в рот. Сладкая, она пахнет летом и буквально тает на языке – до чего же вкусно!

– В этом году много шелковицы уродилось, грех было не сделать... И лавандовую обязательно попробуй.

Пастила – дедулин конек. На каждый праздник я получала от него посылку с подарками, среди которых обязательно были пакетики с этой самодельной пастилой. Ничего вкуснее я не ела. Мама говорит, дедуля вообще мастер готовить,

особенно сладости. Не удивительно, если всю жизнь ты проработал в кондитерском отделе Севастопольского хлебокомбината. Я пыталась делать такую пастилу по его объяснениям – не то, совсем не то. А у дедули выходит так, что пальчики оближешь и язык проглотишь. А за домашними тортами и пасхальными куличами к нему по сей день очередь выстраивается.

– Лучше запири этот шкафчик на замок, я же за два дня все сожру!

– Ешь, господи, новую сделаем, – беспечно отмахивается дедуля. Видит, что угодил мне, и доволен, как ребенок. – У меня много ягоды заморожено. Но я думал, тебе этого на пару месяцев хватит.

Последние слова возвращают меня с небес на землю. Бросает в холод. Пару месяцев... А что будет потом? Пускай дедуля кажется здоровым и бодрым, мама не заставила бы меня просто так бросить универ и приехать его досматривать. Вдруг ясно понимаю: не станет его – останемся только мы с мамой. Отца я не знаю, а другой родни у нас нет. До этого момента происходящее казалось мне абстракцией, чем-то ненастоящим. Но теперь, когда вижу дедулю не картинкой на экране смартфона, а прямо перед собой, такого живого и настоящего, когда в любой момент могу обнять его, все становится до ужаса реальным, а я осознаю, насколько невыносимым будет потерять его.

Хорошего настроения как ни бывало. Медленно доедаю

полоску пастилы, почти не чувствуя вкуса. Возвращаю банку на место. Робко гляжу на дедулю. Тот хмурится, будто чувствует, о чем я не решаюсь спросить.

– Деда, ты...

Он трясет головой, останавливая меня.

– Яночка... Давай не сегодня, лягушонок.

От того, что он называет меня точно как мама, в носу щиплет. Отвожу взгляд – не нужно, чтобы он видел мои слезы, не хватало, чтобы больной успокаивал здорового.

– Давай я пока разложусь, осмотрюсь, а ты полежи, отдохни, да? Все утро суетился, вижу же.

Дедуля отмахивается:

– Я отдохну потом, ты только не нагнетай. Лучше тебе помогу.

– Деда!

– Ну просто рядом побуду. Я не так плох, как ты думаешь, лягушонок.

– Что говорят врачи? – внезапно решаюсь я. – Какой вообще диагноз? Мама мне ничего толком не объяснила, она вообще в курсе? Это... рак? Если лекарства нужны...

Дедуля останавливает меня жестом. По лицу вижу, насколько неприятно ему об этом говорить. Я читала, что порой тяжело больные отрицают болезнь, но в жизни с таким еще не сталкивалась, не знаю, как себя вести и что делать.

– Давай смирится, что врачи ничем не могут мне помочь. Некоторые вещи просто случаются, и остается только

их принять, – его голос звучит тихо и спокойно, а мне хочется орать, что есть мочи. – Лекарства у меня есть, да и не нужно мне ничего, чего нельзя найти в Севастополе.

Не отвожу от него пытливого взгляда и молчу. Он подходит, обнимает меня за плечи, прижимая к себе:

– У нас с тобой есть более интересные темы для разговоров, правда же, лягушонок? И дела есть поважнее. Пойдем.

Дедуля ведет меня в комнату, где я теперь буду жить. Она небольшая, но с первого взгляда понимаю, как он меня ждал. Готовился, старался, чтобы мне было удобно и уютно! Все полки предусмотрительно пусты. На окнах – похоже, новые шторы, на кровати – стопка постельного белья и полотенец еще с этикетками, под окном – массивный рабочий стол с удобным вращающимся креслом. Есть даже небольшой туалетный столик с зеркалом. На тумбочке возле кровати – букетик лаванды. В открытое окно лезут ветки гибискуса, стекла сияют чистотой, кругом ни пылинки. А я-то настраивалась на трудовые подвиги прямо с порога. Точно не сегодня.

Вздыхаю украдкой – урезонивать дедулю нет никакого смысла, это я уже поняла. Он предпочитает делать вид, что ничего не происходит. Мне остается только стиснуть зубы и подыгрывать.

Неспешно раскладываю и развешиваю вещи. Я промахнулась, набрала теплой одежды, привезла даже зимние сапоги и пуховик. Когда они понадобятся с такой погодой? Придется просить маму выслать что-то летнее. Дедуля помогает, одно-

временно рассказывая, куда в городе мне непременно нужно сходить. Потом уходит готовить мне ванную. Я все могу сделать сама, но не спорю, вижу, как ему приятно делать что-то для меня. Ладно, сегодня пусть развлекается, а завтра посмотрим.

Заканчиваю в одиночестве, запихиваю дорожную сумку под кровать и, наконец, нормально осматриваюсь, не стесняясь дедулю.

Чистенько, но бедненько – первое, что приходит в голову. Но если присмотреться – понятно, что это не так. Со всем не так! Из нового в моей спальне только рабочее кресло и туалетный столик. Остальная обстановка, кажется, застала выступления Хрущева и Брежнева, если не самого Сталина. Мебель массивная, старинная, хоть с виду и простая, без обилия финтифлюшек. Кровать с кованым изголовьем. Платяной шкаф запирается на симпатичный ключ, а изнутри к дверце прикреплено зеркало и даже крохотная полочка, понятия не имею для чего – разве что для заколок или булавок. МДФом тут и не пахнет, в шкафу даже полки деревянные. Уверена, в Питерских антикварных магазинах этот шкаф стоил бы сотни тысяч, а модные дизайнеры за него дрались.

Выхожу в гостиную – та же история. Медленно обхожу комнату, отмечая уютные кресла, обилие книг, старый проигрыватель и ряды виниловых пластинок. Вытаскиваю одну

наугад – F.R. David⁴, самый первый альбом 1982 года, еще и оригинал – на обложке ни слова на русском. Мама его обожает. Интересно, как звучит на виниле? Надо будет послушать, если проигрыватель работает. Хотя что-то мне подсказывает, что работает, и просто для красоты дедуля ничего держать бы не стал. Иду дальше, напевая под нос “Pick up the phone”. Рядом с раритетным проигрывателем – вполне современная музыкальная система. Не удивлюсь, если тут и умная колонка найдется – и точно, стоит возле большого плоского телевизора. Такой контраст старого и современного меня озадачивает. Задерживаюсь у стеллажа, пробегаю взглядом по корешкам книг. Среди них много старых изданий, еще советских, они сразу видны по переплету. Беру томик Ефремова – давно хотела его попробовать. Рядом на стене одна под другой висят несколько фотографий: я маленькая, дедуля с бабушкой, еще молодые, и...

От удивления чуть не роняю книгу. Всмотриваюсь в третье фото: там мама и я, сомнений нет, вот только мы сидим на фоне памятника Затопленным кораблям, здесь, в Севастополе. Но я ведь ни разу сюда не приезжала! Маме нельзя сюда возвращаться! Хочу снять фото, чтобы разглядеть получше...

– Люблю этот снимок...

⁴ Читается Эф Эр Дэвид (настоящее имя – Эли Робер Фитусси). Французский музыкант тунисского происхождения, один из начинающих евродиско. Яна нашла самый известный его альбом “Words” (“Слова”). Далее она напевает песню “[Возьми телефонную трубку](#)” из этого же альбома.

Невольно отдергиваю руку, поворачиваюсь к дедуле. Как давно он за мной наблюдает? Он тепло улыбается и подходит ближе.

– У нас в альбоме есть точно такое же фото, только мама на нем одна, – говорю я. – Не понимаю. Я думала, оно сделано еще до моего рождения.

Дедуля туманно хмыкает.

– Мне же здесь года три или четыре? Я помню это платье по другим фоткам.

– Три. Это последний раз, когда вы приезжали.

– Последний? То есть были и другие? Я ничего этого не помню.

– Ты совсем маленькая была, – дедуля пожимает плечами, констатируя очевидное.

– А потом что случилось? Почему теперь мама не может приехать?

– Потому что обстоятельства изменились, лягушонок, – дедуля гладит меня по волосам и идет к дивану. Тапки едва слышно шаркают по паркету.

Наблюдаю, как он поправляет плед, берет книгу, подкладывает под спину подушки. Мне хочется расспросить больше, допытаться до правды, мама всегда увиливала и напускала туману. Но я вижу грусть в дедулиных глазах и усталость на его лице. Тема явно неприятная, а такое активное и эмоциональное утро его утомили, хоть он и пытается это скрыть.

– Ванная там?

– Да-да, там все готово, и полотенце я принес. Потом научу, как пользоваться газовой колонкой. Я чуть полежу и заварю чайку. У меня хороший сбор есть, с крымскими травами.

Я киваю. Чай я могу и сама заварить, да кто мне даст. Гляжу на дедулю еще несколько мгновений и скрываюсь в ванной. После двух дней в поезде в душ реально хочется.

Глава 2. Первый звоночек

В ванной моя совесть получает очередной повод для терзаний – на стиральной машине лежит фен Дайсон. Новый, еще в коробке, трогательно перевязанной атласной ленточкой. Гоню мысли о цене и прощальных жестах, но глаза все равно наполняются слезами. Дедуля не просто старается, чтобы мне тут понравилось, он готов в лепешку расшибиться. А я злилась на него с мамой из-за того, что придется ехать в Севастополь. Мне было до остервенения обидно, что приходится так круто менять жизнь. Казалось, меня наказывают за что-то, если не родные, то судьба. Теперь хочется побиться головой об стену.

Мою волосы тщательнее обычного, потом долго стою под теплыми струями, позволяя воде просто бежать по телу, успокаивая. На душе паршиво, а в голове сумятица – я много не могу понять, вопросы только множатся. Шагу не ступить, чтобы не наткнуться на фамильную тайну или странность – скоро начну бояться открывать шкафчики и разглядывать старые фотографии. Сказать, что я от этого устала – ничего не сказать. Но и повлиять не могу. Единственное, что мне доступно – злиться от бессилия. Наседать на большого дедулю с вопросами я точно не смогу, особенно после всех его стараний. А на маму наседать бесполезно – у нее под пальцами кнопка завершения разговора и избегать се-

рьзных разговоров о прошлом она умеет.

Первое, что понимаю, когда выхожу из душа – в доме негромко играет музыка, “Words”, тот самый альбом F.R. David, что я хотела послушать. Второе – к дедуле кто-то пришел. Гостя пока не вижу, лишь слышу голоса. От неожиданности замираю и прислушиваюсь.

– ...немного усовершенствовали формулу, – голос мужской, низковатый на мой вкус, но приятный, звучит сдержанно, даже отстраненно, эмоции где-то есть, глубоко, но воли им не дают. Так говорят с тем, кто сильно тебя обидел и не заметил этого. А еще так врачи иногда общаются с пациентами. – Но гарантий никаких, не знаю, насколько хватит эффекта.

– Главное, чтобы хватило до зимы, – тихо говорит дедуля. До зимы? Я вдруг понимаю, о чем они. Холодок бежит по спине и уши на мгновение закладывает. Они про дедулину болезнь? Это значит, столько времени ему осталось? До зимы какая-то пара месяцев!

Дедуля произносит что-то тихо и неразборчиво. Мне слышится “мантикора” – бред какой-то. Гость вздыхает.

– Да, но что делать. Гера использовал последний резерв. Если это не поможет... На крайний случай у вас есть средство...

– Нет. Пусть останется для Яны. Да и не поможет оно, ты же понимаешь.

Что для меня останется? О чем он? Внутри все ледяное,

ноги и руки едва слушаются, но заставляю себя сделать шаг, потом другой. Иду, на ходу подсушивая полотенцем мокрые волосы и изо всех сил стараясь выглядеть беззаботно, – разговор ведь не предназначался для моих ушей. Так и выхожу в гостиную.

– Гектор, спасибо, – говорит дедуля. – Пусть мы делаем одно дело, но все же... Знаю, чего тебе это стоило. Я это ценю...

– Да, мы делаем одно дело... – сухо соглашается гость и вдруг смотрит на меня в упор. Странно смотрит... В его взгляде столько всего: и смущение, и жалость, и недоверие, даже злость. Эмоции меняются, как узоры в калейдоскопе.

Обдумать не успеваю. Ловлю его взгляд, замираю, как кролик перед удавом, и понимаю третью вещь – я попала. Просто влипла! Чувствую, как щеки становятся пунцовыми. Парень... нет, это слово ему не подходит, на вид дедулиному гостю около тридцати. Мужчина. Высокий, мускулистый – не качок, совсем нет, но видно, что сильный и тренированный. Его лицо почему-то кажется знакомым. Аккуратная стрижка, простая, мужская, не эти модные кандибоберы из барбершопов, которые нужно два часа укладывать. И одет просто: отглаженные брюки, однотонная футболка, кроссы. Он весь такой: простой, без выпендрежа, но взрослый и мужественный. Всегда западала на таких мужиков.

Дедуля замечает его взгляд, оборачивается, смотрит на меня, брови удивленно взлетают. И я понимаю, что плясую

на незнакомца, как полная дура, чуть ли не слюни пускаю. Встряхиваю сама себя, бурчу что-то в качестве приветствия и юркаю в кухню. Чувствую на спине пристальный взгляд, оценивающий, изучающий и... неприятный. Но почему?

Плюхаюсь за стол и выдыхаю. Дедуля успел подготовиться: накрыто на двоих, заварник с чаем томится под полотенцем, рядом джем, мед, масло. Беру щедро посыпанную сахаром плюшку – она теплая, разогретая. Жую, не замечая вкуса.

Лекарство, значит? Причем не простое, а такое, из-за которого нужно рисковать – что еще может означать это “я знаю, чего тебе стоило”? Ну не про деньги же речь! Судя по тому, что я успела увидеть, с финансами у дедули проблем нет, да и вряд ли за него платят другие. Так что это за лекарство? Наркотик? Морфий или что дают от болей тяжелым больным? Получается, все еще хуже, чем я думала? Начинаю заводиться. Мне обидно! Я приехала помогать, в сложный для всех период, какого черта меня держат в полном неведении! Чтобы я не знала чего ждать и к чему готовиться? И как это поможет дедуле? А мне?

Слышу, как закрывается входная дверь, и стараюсь напустить на себя беспечный вид. Когда дедуля появляется на кухне, я старательно жую булочку и лениво распутываю пальцами волосы, будто ничего меня не тревожит.

– Там в ванной фен, – его губы трогает слабая улыбка, то ли виноватая, то ли смущенная.

– Я видела, дедуль, спасибо большое! – замечаю в его руках бархатный мешочек. – Фен шикарный, но не стоило так тратиться.

– Мне сказали, это самая модная штука, все девчонки о таком мечтают.

– Это точно.

О Дайсоне я мечтала, что скрывать, но сейчас мне совсем не до супер-фена. Делаю вид, что озабочена волосами, а сама слежу за каждым движением дедули. Как он проходит к кухонным шкафчикам, как кладет на столешницу мешочек (тот негромко звякает стеклянным – внутри ампулы?), как присаживается на корточки и возится с кодовым замком (и зачем такой на обычном кухонном шкафу, что дедуля там хранит?)...

– Это лекарства? – не выдерживаю я. – Это врач приходил?

Голос звучит нетерпеливее и требовательнее, чем я хотела.

Дедуля отвечает не сразу, сперва убирает мешочек, закрывает шкафчик, выпрямляется.

– Да и нет, – отвечает с мягкой улыбкой. Будто я малыш, который задал вопрос не по возрасту.

– В смысле?

– Ты задала два вопроса. Ответ на первый – да. Это лекарства. На второй – нет. Это был не врач.

– А кто?

Мне не хочется быть злой, настырной и лезть не в свое дело. Но это как раз мое дело! Я не напрашивалась.

– Наш сосед, – дедуля берет с плиты чайник, идет к столу.

Потрясающе информативно! Ну так и я не сдамся. Принимаю правила игры, снимаю с полотенце с пузатого чайничка, разливаю заварку. Чашки небольшие, но очень красивые, старинные, костяного фарфора с кобальтово-синими и золотыми полосками.

– И кто он? Почему принес лекарства?

– Он ресторатор, лягушонок, – дедуля доликает в чашки кипятка, кидает лимон. – Живет в соседнем доме.

– Это в лавандовом? – вспоминаю шикарный особняк за забором. Внезапно мне становится интересно.

– Да, – кивает дедуля, усаживаясь напротив. – Гектор... хороший человек. Мой постоянный заказчик, я делаю торты для его заведений. У него в центре чудесная кофейня, у гостиницы Севастополь, очень популярная, ты зайди как-нибудь.

– Угу. Зайду. Всенепременно, – разрезаю булочку, щедро мажу джемом, одну половинку протягиваю дедуле, улыбаюсь. Возможно, шире, чем это уместно. – Хотя твой торт я могу и дома попробовать, ты же сделаешь, правда?

Конечно дедуля с готовностью кивает.

– А лекарства тут при чем? – внезапно продолжаю я.

На мгновение он так и замирает с протянутой к булочке рукой. Потом чуть кривит рот и пожимает плечами:

– У него хорошие связи.

Ну да, надо думать. Поди, у него не только рестораны и кафе, но и какой-нибудь ночной клуб. А где ночной клуб, там ночной и не совсем законный бизнес.

С минуту жуем, глядя друг на друга. У дедули теплый взгляд, чуть виноватый. Но за что ему чувствовать вину?

– Чем планируешь заняться? – наконец, спрашивает он.

Пожимаю плечами. Мои ожидания не оправдались, думала, по приезду все пойдет по-другому. Поэтому планов нет.

– Сходи погуляй в город. Погода сегодня дивная, и тут есть, что посмотреть. Севастополь – красивый город.

Согласно угукаю и киваю. Да, прогуляться стоит, осмотреться, понять, где буду жить ближайшие месяцы. Да и просто интересно. Потом спохватываюсь:

– А ты?

– А что я, – отмахивается дедуля. – Отдохну, ужин приготавливаю.

– Давай я помогу, я умею готовить!

Но дедуля будто хочет выгнать меня из дома.

– Да что ж я, мясо не потушу. И вообще, сегодня ты гость. Отдыхай с дороги, я пока справляюсь. Пока при деле мне легче. Не переживай, еще напоегаешься.

Будто понял, как мной манипулировать. Пока я разрываюсь от противоречивых эмоций, дедуля ловко переводит тему:

– Можешь заехать в Студгородок, посмотришь. Зря ты не

захотела перевестись в СевГУ. Это хороший вуз. Не ИТМО, конечно, но хороший. Программистов, вроде, неплохих выпускают...

Не знаю, что ответить. Зря не захотела... А кто бы захотел на моем месте перевестись из ИТМО в неизвестный севавтопольский вуз? Я только перешла на второй курс, ИТМО был моей мечтой, я угробила три года на подготовку, всем пожертвовала, только и делала, что занималась математикой и информатикой, чтобы на ЕГЭ набрать по сто баллов. Без репетиторов! Плюс олимпиады. С девятого класса я не знала и не видела ничего, кроме учебы! Единственные развлечения – музыку в ванной послушать да немного почитать перед сном. У меня и настоящих друзей не случилось поэтому, некогда было по вечеринкам да турпоездкам разгуливать. Но я справилась! Видела, как тяжело маме в одиночку тянуть нас обеих. Мне хотелось начать зарабатывать самой, а для этого нужна хорошая профессия. Не то, чтобы я бредила программированием, но математика всегда легко давалась, новые темы я понимала играючи. И вдруг все бросить? Мама настаивала на переводе в севавтопольский университет, я еле отбилась. Взяла академ. Не понимала и до сих пор не понимаю какой смысл в переводе. Поэтому не отказываюсь от цели вернуться в ИТМО.

– Ты подумай все же. Пока я могу помочь, – продолжает дедуля, как ни в чем не бывало. – Выбрала бы ту специальность, которая понравится, без ограничений.

“Пока могу помочь...” Сiju, ковыряю булочку, избегаю смотреть на него. Он правда не понимает? Кто пятнадцать минут назад говорил про зиму? А дальше что? К чему этот разговор про вузы, если через полгода это не будет иметь никакого смысла? Зачем мне привязываться к новому городу, зачем связывать себя на два-три года? Все закончится, и я вернусь в Питер, тут не останусь. Хоть это я могу решить сама? Но вслух ничего не говорю.

Дедуля будто и не ждет ответа, отпивает чай, ставит чашку. Та тихо звякает о блюдечко.

– Твоя мама планировала там учиться, практически поступила. Но пришлось уехать.

– А папа? – гляжу на дедулю, уже не боясь, что он заметит злость и слезы в моих глазах. – Где он учился? И почему мама уехала из Севастополя? Что вообще произошло двадцать лет назад?

Не хочу быть эгоисткой. Не хочу с ним ругаться, не хочу портить первый день, не хочу усложнять ему жизнь, ему и так непросто, я знаю. Но слова слетают с языка сами собой, раньше, чем я успеваю сообразить, что говорю. Это темы, о которых мы никогда не говорим, но которые всегда висят над нами, как дамоклов меч. Надо мной так точно.

Дедуля тяжело вздыхает:

– Что рассказывала мама?

– Ничего! Никто мне ничего не рассказывал! Вы же оба постоянно увильваете от ответов! – звучит зло, знаю, но ни-

чего не могу с собой поделатъ. – Я понятия не имею, почему выросла без отца, почему мы с мамой переехали в Питер и почему она не может вернуться в Севастополь! Я знаю только то, что отец умер! Это правда вообще? Или он тоже тут где-то по соседству живет и регулярно заказывает тебе булочки для какой-нибудь столовой?

– Он умер. Пятнадцать лет назад. От похожей болезни. Поэтому...

Я жду продолжения, но дедуля замолкает.

– Поэтому что?

– Поэтому я знаю, что делать. Яночка... лягушонок... Поверь больному старику, скоро ты все узнаешь, для этого ты здесь. Больше нет смысла что-то скрывать. Я могу поклясться, если хочешь, – он грустно улыбается. – Просто... сперва узнай город. Почувствуй его. Так будет проще... понять.

– Понять что?

Меня прерывает внезапная музыка. На улице кто-то врубил на всю катушку AC/DC⁵. Окно открыто, и кажется, музыка звучит прямо в доме, полностью заглушая нашу тихую пластинку.

Living easy, living free

Season ticket on a one way ride

⁵ Австралийская рок-группа, звезды мирового рока. Название переводится как “Переменный ток/Постоянный ток”. Далее звучит их главный хит “[Highway to hell](#)” (“Дорога в ад”) из одноименного альбома 1979 года.

*Asking nothing, leave me be
Taking everything in my stride...*

Вздрагиваю от неожиданности. Гляжу на дедулю. Тот так невозмутимо пьет чай, что на мгновение думаю, у меня глюки. Но он начинает беззвучно подпевать, только губы шевелятся, повторяя слова песни:

*Highway to hell
I'm on the highway to hell
Highway to hell
On the highway to hell⁶*

– Это нормально? – говорить приходится громко.

– Музыка? Да! Не обращай внимания, это ненадолго.

Не обращать внимания? На музыку, которая орет на всю улицу? Ладно сейчас полдень, а если вечером или ночью врубят? И почему дедуля так невозмутим?

Встаю, подхожу к окну и высовываюсь наружу, пытаюсь определить, откуда идет звук. Судя по всему, из соседского лавандового особняка. Пытаюсь разглядеть, что там происходит, но высокий забор и густой кустарник перед нашим окном загораживают обзор. Мне кажется, к музыке приме-

⁶ Примерный перевод: “Живя легко, живя свободно, беру билет в один конец. Ничего не спрашивай, просто дай мне взять все, что ждет по пути. Шоссе в ад, я на шоссе в ад”.

шивается грохот или даже взрыв... Не обращать внимания? Да что там происходит?

Отворачиваюсь от окна, смотрю на дедулю. Тот беспечно отхлебывает чай.

– И часто такое?

– Не особо, но бывает, – он равнодушно пожимает плечами. – Пустяки, Яночка...

Не понимаю как реагировать. Очевидно, творится какая-то дичь, но дедулино равнодушие обескураживает. Чувствую себя Алисой в стране чудес. Еще и чаепитие так к месту... Плюхаюсь обратно на стул.

– Ты ничего не пытался сделать? Это же ненормально! Люди же кругом. А если у кого-то ребенок спит? По ночам они тоже так врубают?

– Яна, не обращай внимания, скоро выключат, – повторяет дедуля. Мне показалось, или в его голосе проскользнуло раздражение? На соседей? Или на мою бурную реакцию?

“Highway to hell” заканчивается, начинается “Back In Black”⁷. В паузе между песнями снова что-то грохает. Мельбень они там роняют, что ли? Мы с дедулей пьем чай, оба делаем вид, что все в порядке. Он даже ногой в такт музыке качает. Полный сюр!

Музыка обрывается на полуслове, так же внезапно, как и началась. Продолжаем пить чай. Я вообще не знаю, что го-

⁷ “[Возвращение во тьму](#)” – заглавная песня AC/DC из одноименного альбома 1980 года.

ворить или делать. Звякает дедулин телефон, он быстро читает сообщение и смотрит на меня.

– Видишь, как удачно. У меня срочный заказ, нужно поработать.

– Давай я останусь, помогу! – предлагаю я.

– Еще чего! Остановка через дорогу, прямо у автовокзала, ты же проходила мимо?

Меня что, выпроваживают из дома? Ладно, настаивать не буду. Послушно киваю, ставлю чашку в посудомойку, проверяю волосы – самое время досушить новеньким чудо-феном. Узнаю, наконец, почему он такой волшебный.

– Садись на любой топик, они все идут к центру.

– Топик?

Дедуля улыбается:

– Маршрутка. Так тут иногда называют маршрутки, привыкай. Автобус или троллейбус тоже подойдет. Выходи или на Нахимова или даже на Ушакова – по Большой Морской обязательно нужно прогуляться.

Собираюсь быстро. Досушить волосы, уложить брови и мазнуть блеском по губам. Натянуть футболку и джинсы, покидать в маленькую сумочку самое необходимое: телефон, кошелек, ключи, которые дедуля предусмотрительно положил на мой стол. Недолго думаю и беру с собой худи – по-прежнему боязно в октябре выходить на улицу в одной футболке.

Мне кажется, стало еще жарче. Тут вообще зима быва-

ет? Солнце светит во всю, воздух пахнет зелению. На улице ни души. Зато в соседнем дворе шумит вода и негромко поет Фредди Меркьюри. Минуту стою, размышляя, что делать. Разглядываю забор, что отделяет наш участок земли от соседского, и замечаю в нем небольшую калитку. Запорный крючок и петли заржавели – калитку давно не открывали. Но раньше, выходит, пользовались? Чтобы ходить друг к другу короткой дорогой? Сейчас высокий соседский забор стоит вплотную к нашему, полностью блокируя калитку. В чем смысл?

Соседи интригуют все больше, поэтому решаюсь, выхожу на улицу, иду к роскошным воротам, решительно вдавливаю пуговку звонка и слышу далекий мелодичный динь-дон. Шум воды обрывается, гравий шуршит под чьими-то ногами, дверь распахивается и я невольно отступаю на шаг.

Парень, что открыл и теперь вопросительно пялится, не сильно старше меня. Обнаженный выше пояса, волосы взъерошены, в одном ухе поблескивает серьга, джинсы местами промокли, на правом предплечье затейливая татуировка. Красивый. Совсем другой красотой, не такой, как у Гектора. Этот молодой, самовлюбленный и нахальный. Хоть бы они были братьями!

Брови парня вопросительно приподнимаются, и я вспоминаю, зачем пришла.

– Привет, – зачем-то тяну гласные, чувствую себя полной дурой.

– Привет, – кивает парень.

– Я Яна.

– Яяна? Это твое имя? Занятное...

Его насмешливый взгляд сбивает с толку.

– Просто Яна. Я внучка Эдуарда Сергеевича, – показываю на наш невзрачный домик.

Он смотрит на дедулин дом, потом на меня, веселья как ни бывало, взгляд становится растерянным, потом внимательно-заинтересованным.

– Серьезно? Из Питера? Фен понравился?

Хорошая осведомленность. Киваю, отвечая сразу на все вопросы.

– Я Гера, – он вдруг улыбается, продолжая разглядывать меня, вытирает ладонь о джинсы и протягивает мне.

Неожиданно. Слабо жму его пальцы. Заглядываю за спину. Двор ухоженный и красивый: аккуратные гравийные дорожки, пестро цветущие хризантемы и аккуратно подстриженные кустарники, даже небольшой фонтанчик. На парковке перед домом – черный джип-паркетник, миниатюрный белый седан и... мотоцикл. На ступенях, что ведут к входной двери, – горшки с цветами. Успеваю заметить турник и натянутый между деревьями гамак, а потом Гера пододвигается, заслоняя мне обзор.

– Ты познакомишься? – он забавно двигает бровями, то ли заигрывает, то ли так изображает заинтересованность и любопытство. Невольно улыбаюсь – а этот парень забавный.

В чем-то даже милый.

– Я... Да... И попросить хотела. Музыка больше не включай так громко, как полчаса назад, ладно?

Гера кажется озадаченным, мельком глядит на дедулин дом.

– Эдуард Сергеевич не возражает.

– Времена меняются. Теперь возражает. И я тоже.

– Ясно. Но извини, ничего не могу обещать, – Гера складывает на груди руки.

На мгновение теряюсь. Вот это наглость!

– Ты шутишь?

– А тебе смешно?

Пару мгновений пялимся друг на друга. Я – возмущенно. Гера – равнодушно-спокойно. Он не собирается ничего менять, мои просьбы ему до лампочки, он просто просто ждет, пока мне надоест качать права и я уйду.

– Слушай, – чувствую, что начинаю закипать. Но он не дает мне договорить. Голос его звучит твердо и серьезно.

– Музыка играет не просто так. Эдуард Сергеевич в курсе. Можешь спросить его, он объяснит, если посчитает нужным. Извини.

– Ты знаешь, что он серьезно болен?

Гера просто кивает, давая понять, что в курсе:

– Конечно. Мы с братом помогаем ему... ну... с лекарствами и вообще.

Обычно я сдержанная, не люблю прилюдно показывать

эмоции, особенно перед теми, кого впервые вижу. Но тут я взрываюсь. Наверное, для меня его наглость и равнодушие становится последней каплей в чаше сегодняшнего дня. Все знает, значит, все понимает, и наплевать?! Пользуется тем, что больной и пожилой связываться не станет? И этот второй, Гектор, кажется, и что за дурацкие имена, как он говорил с дедулей, ничем не лучше! Братья они, значит. И не удивительно – друг другу под стать.

– Музыку не врубай громко! – заявляю решительно, голос дрожит от бушующей внутри злости. – Дедуле отдыхать надо, он спит днем! И AC/DC совсем не к месту.

– Не любишь AC/DC? – брови Геры удивленно взлетают. – Я могу...

– Не люблю, когда наглеют. Продолжишь – вызову полицию.

Успеваю заметить что-то похожее на удивленное восхищение на его лице. Он реально улыбается! Разворачиваюсь и решительно иду в сторону автовокзала. Спина горит от его взгляда. Хочется обернуться, но сдерживаюсь, сую в уши наушники и врубаю Мою волну. По иронии судьбы Алиса подсовывает мне именно “Highway to hell”.

Глава 3. Глупость

Мне везет – автобус приходит быстро. Выхожу на площади Ушакова, недолго люблюсь Матросским клубом и наблюдаю за сухим фонтаном. Под “Sunrise Avenue” прогуливаюсь по Большой Морской, по пути ем мороженое в кафе “Снежинка” – название вызывает детский восторг, и я не могу пройти мимо. В центре осень чувствуется сильнее, но как-то по-особенному: нет привычного желтого и красного на деревьях, те немногочисленные, что начали сбрасывать листья, выглядят так, будто не к зиме готовятся, а увядают от жары и засухи. Брожу перед гостиницей “Севастополь”, пытаюсь угадать, какое из кафе и ресторанчиков принадлежит Гектору. Потом спускаюсь по вымощенной брусчаткой улице Айвазовского, оказываюсь на набережной и надолго замираю, чтобы полюбоваться морем. Беру большой стакан кофе и иду к сувенирным лавкам. Чего там только нет: поделки, косметика, одежда и украшения, значки и стикеры, посуда с восточной росписью, чай и сладости. Удержаться трудно, и в одной лавок покупаю игрушку – милого котика в тельняшке, а в другой – бальзам для губ с маслом крымской розы и лаванды. Незаметно выхожу к памятнику Затопленным кораблям. Море тут еще красивее, да и сама бухта тоже, даже стеклянно-бетонный новострой, на который любит ворчать мама, ее не портит. Фотографирую высоченный монумент

“Штык и парус”, потом прогуливаюсь до конца нижней набережной, поднимаюсь на верхний уровень, разглядываю солнечные часы, пытаюсь определить время. Мне везет, одна из скамеек освобождается, и я сажусь, чтобы почитать о первой обороне Севастополя в Крымскую войну и понаблюдать, как волны лениво разбиваются о гранит набережной.

Я сопротивляюсь, но город влюбляет в себя с каждым шагом. Белокаменный, без излишней вычурности, спокойный, солнечный и утопающий в зелени. Мне нравится, что вокруг немного людей. Нравится бродить под высокими платанами и разлапистыми кедрами; нравится видеть над головой яркое голубое небо с пушистыми облаками; нравится, что воздух пахнет морем, туями и совсем немного – карамелью; нравится то и дело наткаться на море – такое ощущение, что оно тут буквально повсюду. Мне хорошо и спокойно, Севастополь будто отгоняет тревоги, и я радуюсь этой передышке и легкости. Возвращаться на Ревякина совсем не хочется, до вечера остается еще много времени, и я решаю съездить в Херсонес, который красуется на двухсотрублевке, про который читала и даже что-то проходила на уроках истории – вдруг другой возможности не выпадет.

По красивейшему Приморскому бульвару возвращаюсь на площадь Лазарева, по пути глазею на афиши (на удивление стильные!) и решаю обязательно сходить в местный театр, причем вместе с дедулей. Наконец, сажусь на маршрутку (топик – придумают же!) и банально забываюсь, разглядывая

город, пропускаю нужную остановку. А когда понимаю, что к чему, маршрутка подходит к Студгородку.

И так я оказываюсь возле университета.

В первый момент хочу вернуться, найти-таки Херсонес, собираюсь перейти дорогу, чтобы сесть на обратный автобус, но пока жду зеленый свет на светофоре, успеваю передумать. Толком не знаю почему. Просто на остановке толпятся студенты, переговариваются о требованиях к оформлению курсовых у какого-то профессора, о странном происшествии в лекционной аудитории, решают куда пойти перекусить и не отправиться ли в какой-то Муссон за новыми кроссовками. Обычный студенческий треп. Но я внезапно испытываю если не тоску, то легкую грусть, и понимаю, что скучаю по универу, по его особой атмосфере, по всей этой учебной суете, по разговорам ни о чем, по лекциям. По сути, универ заполнял всю мою жизнь. А теперь я внезапно чувствую себя выброшенной на берег рыбой. Впервые осознаю, что когда вернусь в ИТМО, придется все начинать заново: заводить знакомства, вспоминать предметы, привыкать к ритму... И решаю прогуляться до кампуса СевГУ.

Долго бреду по асфальту вдоль стройных рядов кипарисов и раскидистых сосен, чьи ветки нависают над головой, образуя арку. Вдыхаю вкусный запах хвои. Здесь ветренно, и это разгоняет жару, в какой-то момент даже хочу надеть худи, больше от скуки – дорога длинная и однообразная. Решимость посмотреть на университет тает с каждым шагом,

но поворачивать назад – глупо. Да и впереди уже виднеются учебные корпуса. Перехожу, наконец, пустую дорогу, и будто попадаю в другую эпоху. Все, что вижу, не походит на тот Севастополь, который я видела в центре, но в то же время очень ему подходит.

Наверное, так представляли светлое будущее в СССР. От кампуса СевГУ веет чем-то советским, но в идеализированном варианте. Здесь могли бы снимать “Чародеев” или ламповое историческое кино. Небольшая площадь перед университетом залита солнцем. Вокруг просторно и зелено. Белоснежный учебный корпус с виду простой, но одновременно замысловатый, со множеством окон. Под ногами старомодные квадратные плитки, бетонные. Здесь все дышит семидесятыми, именно такими, как показывают в ностальгических фильмах: энергичными, перспективными, полными надежд. Поэтому и атмосфера такая... легкая, светлая. Невольно хочется взять в руки какую-нибудь умную книгу или изобрести что-то великое, что спасет человечество от порабощения искусственным интеллектом или приблизит полет на Марс. Иду вдоль изгибающейся стены главного корпуса, дохожу до убегающей вниз лестницы и с удивлением понимаю, что кампус стоит на вершине холма. Представляю, какой шикарный вид открывается из аудиторий, особенно с последних этажей: на город и море! До чего инстаграмное место! Спускаюсь вниз к дороге, делаю несколько фоток, скидываю маме – пусть удивится. Телефон тренькает буквально

через секунду:

“Ты передумала?” – мама подкрепляет вопрос эмодзи в виде сложенных в молитве рук.

“Нет!!!!” – отвечаю я и шлю много смеющихся смайлов.

“А что там делаешь?”

“Гуляю. Случайно проехала мимо Херсонеса.”

“Позвоню?”

“Вечером”, – шлю целующий смайл.

Мама будет спрашивать, а я не готова отвечать – слишком много разных эмоций и впечатлений, пусть улягутся.

Поднимаюсь обратно к зданию университета, недолго стою на вершине лестницы, разглядывая окрестности. Даже выключаю музыку и убираю наушники, чтобы послушать, как звучит это место. Потом возвращаюсь к главному входу, размышляя, каково это – учиться с видом на море. Нахожу свободную скамейку. Не хочется признаваться ни себе, ни тем более маме, но мне нравится кампус СевГУ. Не знаю, какое образование тут дают, но место – чудесное. Мне нравится эта ретро-атмосфера и оторванность от окружающего мира, нравятся нелепые квадратные плитки под ногами, нравится энергетика, а больше всего нравится вид моря... Мне комфортно здесь. Наверное, мне бы понравилось тут учиться. Но я не готова отказаться от мечты.

– Первый курс?

Рядом со мной на скамейку плюхается парень. Ничего особенного, скорее милый, чем симпатичный. Светлые во-

лосы с рыжинкой, лицо простое, открытое, нос в веснушках, очки “для зрения” в тонкой оправе. И очень обаятельная улыбка. Этакий солнечный котенок. Невольно улыбаюсь в ответ. И это странно: с незнакомцами я обычно скованная.

– Второй.

– Второй? – удивленно тянет он. – Не видел тебя тут. А почему я тебя не видел?

Только пожимаю плечами. Объяснять долго, да и не хочется.

– Непорядок! – решает парень. – Как зовут?

– Яна.

– Сергей. Можешь звать Сережа, – разрешает он.

– Может, Серж? – подтруниваю.

Тот глядит искоса, прикрыв один глаз, на мгновение показывается кончик языка. А я слышу как где-то вдали играет Foreigner “I wanna know what love is”⁸. Люблю эту песню.

– Не. Не годится. Но если заслужишь, разрешу звать Сереженькой.

– Даже так... Боюсь, такое мне не по зубам.

– Ну ты не сдавайся так сразу. Я вижу в тебе большой потенциал!

– Спасибо, – чувствую, что начинаю смущаться.

Сергей глядит вдаль, кивает и машет кому-то, и мне

⁸ Foreigner (“Иностранец”, а лучше – “Чужестранец”) – культовая британско-американская рок-группа, выпустила шесть мультиплатиновых альбомов и оказала сильное влияние на рок-музыку. Яне слышится баллада “[Хочу узнать, что такое любовь](#)” из альбома 1984 года.

кажется, он сейчас уйдет. Слегка колет сожалением – это странно, ведь я его не знаю. Пусть он милый, но типаж совсем не мой. С другой стороны мне ведь надо заводить сева-стопольских друзей. Наверное.

– Кофе будешь? – спрашивает Сергей.

– Буду! – отвечаю с легким вызовом. Отчего-то не хочется, чтобы он уходил. К тому же ветер здесь прохладный, и я слегка озябла, но худи не надеваю из какого-то детского упрямства – ну когда еще в октябре погуляю в одной футболке. Поэтому горячий кофе кажется отличной идеей. Может, и в здание университета получится попасть? Мне интересно, что внутри, сквозь окна вижу просторный холл в мраморе, студентов, но хочется взглянуть и на аудитории, заглянуть в кафешки, полюбоваться видом с последнего этажа и сделать несколько фотографий.

– Тогда давай телефон.

Я теряюсь:

– В каком смысле?

Сергей смеется, протягивает мне свой смартфон и тянет руку за моим:

– Номер давай. Созвонимся. Сейчас бежать надо, а так бы поболтал с тобой, ты прикольная. Но дела, всегда дела, каждая минута на счету!

Наверное, я должна восхититься тем, что он тратит на меня драгоценное время, но испытываю лишь легкое разочарование. Без сомнений снимаю блокировку с телефона и про-

тягиваю ему, забираю его смартфон, чтобы добавить свой контакт – я не против встретиться еще раз, с Сергеем удивительно легко, от него будто исходят флюиды радости и беспечности.

Он чмокает меня в щеку на прощание, и я окончательно впадаю в ступор. Мне бы его самоуверенность! Тупо смотрю, как Сергей убегает в сторону остановки. Он вдруг разворачивается:

– Не своди глаз с телефона! – кричит мне на бегу и уносится дальше.

А я невольно вспоминаю “Пиратов Карибского моря” – мой любимый фильм⁹! Как он угадал? На лице сама собой расплзается улыбка. Сижу в сладостном оцепенении, слегка ошалевшая от этого внезапного знакомства. Наверное, со стороны выгляжу полной дурой. Прихожу в себя только через несколько минут, в голову сразу закрадываются сомнения. Что это было? Почему я повелась так легко, будто под гипноз попала? Проверяю телефон – все в порядке, кроме контакта “Красавчик Сергей” ничего нового не появилось. Да и не успел бы он ничего сделать, на всех важных приложениях стоят пароли, зря разволновалась. Снова улыбаюсь, теперь сама себе. Надо же, не успела приехать, а уже с парнем познакомилась. Будет, что рассказать маме.

Сижу еще какое-то время, пока не понимаю, как силь-

⁹ В конце третьего фильма “Пираты Карибского моря: На краю света” Уилл Тернер, уплывая на 12 лет, говорит Элизабет: “Не своди глаз с горизонта”.

но устала. Не физически – морально. День получился очень длинным, полным противоречивых эмоций и странных открытий. Слишком, слишком много всего! Появление Сергея стало последней каплей. Теперь мне очень хочется спрятаться от всех, чтобы прийти в себя и восстановиться.

Замечаю, что воздух стал прохладнее и солнце не греет так, как днем, а небо – розовеет, наливается закатом. Смотрю на часы и ужасаюсь – почти шесть вечера! Сколько же я тут просидела? К Студгородку я приехала, когда еще двух не было! Натягиваю худи, включаю музыку пободрее и быстрым шагом иду к остановке. Мне везет, сажусь на автобус, который идет напрямиком мимо автовокзала, не приходится пересаживаться в центре, но все равно, когда добираюсь до улицы Ревякина, закат давно погас, и на улице темно. Вечер в Севастополе наступает рано и удивительно быстро, почти без предисловий, будто кто-то выключает рубильник. И от этого не по себе. Почти бегу по малоосвещенной Ревякина, юркаю в дедулину калитку. На соседском участке тишина, лавандовый особняк дружелюбно светит окнами.

В дедулином же доме темно и безмолвно. В гостиной над диваном светится торшер – дедуля читал, да так и уснул с открытой книгой, и на кухне горит лампочка над варочной панелью, освещая накрытую полотенцем кастрюлю. Кушать хочется, даже очень. После завтрака я перекусила лишь мороженым и кофе – таким долго сыт не будешь. Сперва подхожу к дедуле, убираю книгу, которая почти выпадает из его

рук. Осторожно накрываю его пледом, недолго смотрю как он спит: морщинки возле глаз почти разгладились, на лице благодостное выражение. Потом выключаю свет и на цыпочках прохожу на кухню. Под полотенцем обнаруживаю чугунный казанок, полный гречи с овощами и мясом, еще теплой. Накладываю полную тарелку и ужинаю в тишине и полумраке. Не хочется ни читать, ни музыку слушать. Тарелка пустеет очень быстро. Не скажу, что сильно люблю гречку, но эта – безумно вкусная, все же дедуля мастер готовки, не только сладости ему удаются. Недолго раздумываю над добавкой, но решаю ограничиться чаем и пастилой. Кажется, дедуля советовал лавандовую?

Сама не знаю, что вдруг на меня находит. Банка с пастилой стоит на второй полке. Встаю на носочки, чтобы дотянуться, задеваю коленкой дверцу нижнего шкафа, и понимаю, что она открыта. Шкаф не заперт! Тот самый, куда дедуля спрятал бархатный мешочек с лекарствами от Гектора! Замираю в нерешительности, прижимая к груди банку с лавандовой пастилой. Любопытство борется с воспитанием недолго – в конце концов, я здесь, чтобы помочь. А как я это сделаю, если меня держат в неведении? Отставляю пастилу и опускаюсь перед дверцами. Мне не по себе. Не только потому, что собираюсь сделать то, что воспитанные девочки обычно не делают. Обстановка вокруг, эти тишина и полумрак, наполняют кухню таинственностью.

Все же решаюсь, осторожно открываю дверцу, стараясь не

шуметь. В глубине шкафчика вспыхивает свет – хм, удобно. Первым делом беру бархатный мешочек и вытаскиваю одну из ампул... Ну да, если бы. Озадаченно хмурюсь. На медицинскую ампулу это похоже только тем, что сделано из стекла. Пузырек, скорее, напоминает те, в каких иногда продают таблетки. Валерьянку, например. Только крышка не пластиковая, а из пробкового дерева. Надписей никаких. Внутри плещется и чуть поблескивает в смутном свете темная жидкость. И что это за лекарство? Открыть не решаюсь, возвращаю странный пузырек обратно в мешочек, откладывая в сторону и заглядываю в шкафчик.

Содержимое меня обескураживает. Сперва думаю, что дедуля хранит тут специи и книгу с рецептами, вот только непонятно, зачем их запирать, еще и на сложный кодовый замок. Но я никогда не видела, чтобы специи хранили в таких банках: тут и глиняные пузырьки, и пузатые флакончики из толстого разноцветного стекла, и узкие деревянные, похожие на миниатюрные амфоры. Много новых, очевидно современных, но некоторые кажутся очень старыми, чтобы не сказать древними. Одни запечатаны сургучом, другие открывались и теперь плотно заткнуты обернутыми тканью пробками. Пузырьки аккуратно разложены по плетеным корзинкам – возможно, в этом есть какая-то система, но мне она не очевидна. Осторожно перебираю их – ощущение, что роюсь в закромах археолога или вовсе алхимика. Беру один из глиняных пузырьков, чтобы разглядеть поближе. Он кажется теплым. На

боку надпись на незнакомом языке. Пузырек не запечатан и я решаюсь, вытаскиваю пробку – в нос бьет незнакомый запах, очень странный, резкий. Невольно чихаю и поспешно закупориваю обратно и возвращаю на место. И достаю книгу.

Никогда таких не видела. Книга большая и толстая – полноценный фолиант. Откровенно старая, в потертom кожаном переплете без подписи, распухшая, с пожелтевшими страницами. В нескольких местах проложена разномастными закладками, кое-где торчат исписанные листы бумаги. Бегло пролистываю – в книге точно не рецепты. А если рецепты – то не тортиков и булочек с корицей. Даже не знаю, на что это похоже. Тут какие-то странные списки ингредиентов впере­мешку с карандашными рисунками растений и каких-то чудовищ. Про некоторые ингредиенты впервые слышу, даже предположить не могу, о чем речь, другие откровенно озадачивают – свиное перо, яд тарантула, морской песок. Дедуля оккультизмом увлекся на старости лет? Или болезнь так подействовала – некоторые ведь верят во все подряд, лишь бы исцелиться?

Открываю самую первую страницу. Она выглядит, как старинные рукописные книги в музеях: красивый цветочный орнамент вьется углом, первая строка начинается с затейливо прорисованной красной буквы, текст написан то ли чернилами, то ли тушью. Надеюсь здесь найти название или хоть что-то. Но нет. Тут стихи. Или не стихи... Негромко читаю:

На Север. На Запад. На Юг. На Восток.

Призываю воду. Призываю огонь. Призываю Землю. Призываю воздух.

Птиц. Зверей. Деревья. Цветы. Духов.

Кажется, воздух в кухне становится плотнее и жарче и будто оживает. Деревья и кусты за окном шумят. Чувствую какое-то движение, поднимаю глаза от книги – никого. Но дышать и правда труднее. Мне не по себе, хочу убрать книгу, но взгляд цепляется за другие строки, машинально читаю:

Покровительства прошу и берега

У сил древних и первозданных, создающих и разрушающих,

Принимаю дар ваш и силу...

Сперва кажется, ветер проносится по кухне, обдает холодом. Свет мигает. Потом книга вылетает из моих рук, сама! Несколько листков и закладок разлетаются по полу. Испуганно вскакиваю, вжимаюсь в кухонную мебель... И вижу как дедуля поднимает книгу. Мы глядим друг на друга, я пытаюсь понять, о чем он думает, но на его лице только тревога, руки крепко прижимают книгу к груди.

Воздух становится обычным, дышится легче. А за окном совсем темно, будто поздней ночью. Делаю глубокий вдох и шагаю к дедуле.

– Прости... Там было открыто, я не вламывалась.

Сперва не разбираю, что он бормочет в ответ:

– Дурень... старый безмозглый дурень...

– Дедуля...

Он вдруг смотрит на меня в упор:

– Что ты успела сделать? – его голос звучит непривычно резко.

– Ничего! Я только заглянула. Ну, прочитала пару строк – все!

То, что происходит дальше вообще ни в какие ворота не лезет! В два шага дедуля оказывается у стола, хватая чашку и запускает в мою сторону. Я уворачиваюсь, вскидываю руки, прикрывая лицо. Остатки чая брызжут в разные стороны, чашка со звоном разбивается о стену позади меня.

С ума он что ли сошел?!

– Иди спать, Яна, – тихо произносит дедуля. В его голосе будто облегчение.

– Да еще девяти нет! – машинально возмущаюсь я, хотя на языке вертятся совсем другие слова.

– Ну так почитай книгу! Обычную! – резко говорит он.

Мы никогда раньше не ругались – не до того было. А теперь... Я, конечно, сглупила, полезла не в свое дело... Но стоит ли это такой реакции? И точно ли это не мое дело? Зачем я здесь? Мама говорила, дедуля чуть ли не беспомощный, но я ничего подобного не увидела. От помощи отказывается, чашками швыряется! И этот странный шкафчик, ле-

карства без маркировки, которые и на лекарства-то не похожи. Я надеялась получить объяснения, как приеду, а в итоге получила очередной ворох загадок!

– Что это все значит? Что это за книга? И склянки? Зачем это все?

Дедуля мрачнеет с каждым новым вопросом, но я не отступаю:

– Хоть кто-то может мне объяснить, что происходит и зачем я здесь?

Телефон звонит как всегда некстати – мама. А, может, как раз кстати? Включаю громкую связь, выпаливаю без приветствия:

– Мама, дедуля принимает какие-то странные лекарства, и на кухне у него заперты старинные склянки и ведьмовская книга.

– Юля, перезвони потом! – дедуля пытается меня перекричать.

– Мам, ты в курсе? Будут комментарии?

Замолкаем одновременно. Мама все еще на связи, но не произносит ни звука.

– Ты там вообще? – спрашиваю, наконец.

– Я вас слышу, – в ее голосе растерянность. Так и вижу, как она кусает губы, как всегда, когда надо что-то быстро решить.

– Так ты знала или нет? Мам?

– Юля, перезвони завтра, мы сами разберемся!

Звонок обрывается – замечательно, значит мама предположила позорно сбежать. Как всегда, когда речь заходит о прошлом и семейных секретах. Неужели ей самой неинтересно? Или... она в курсе?

– Ну давай разберемся, – решительно сажусь за стол. – Расскажешь, наконец, что происходит?

Нервничаю сильно, от этого хочется пить, но единственная чашка, что я достала, превратилась в золотисто-кобальтовые осколки. Бросаю на них взгляд. Жалко, чашка была очень красивая.

Дедуля медленно опускается на стул напротив меня. Книжку кладет на колени, так что мне ее не видно.

– Прости за чашку. Не хотел тебя пугать, – на мгновение в его голосе слышится усталость. Не обычная, как после тяжелого дня, а какая-то застарелая, уже привычная, но все равно неизбежная и неприятная.

– Я ведь не сделала ничего такого!

Мне правда обидно. Дедулина реакция кажется неадекватной. Наверное, он и сам это понимает, оттого и выглядит потерянным.

– Я знаю. Но это был самый простой способ проверить, – говорит он и замолкает.

– Проверить что?

– Последствия того, что ты натворила. Тоже не гарантия, впрочем. Но, вроде, обошлось.

– Дедуля, ты о чем? Что в книге?

– В книге? Рецепты. Просто рецепты.

– Просто рецепты? Из морского песка и яда тарантула? Кстати, не заметила в твоих запасах совиных перьев, – стараюсь, чтобы голос звучал язвительно.

– Они в глубине на нижней полке, в жестяных банках. И не только совиные. Не так часто нужны.

Дедуля удивительно спокоен, не понять, что чувствует, лишь глаза поблескивают в полумраке. В слова мне его не обыграть.

– Дедуля, я верю, что ты супер-кулинар, но чтобы вот так...

Он встает. На ходу отталкивает несколько фарфоровых черепков, расчищая дорогу. Сперва возвращает на место книгу. Потом подходит к плите, включает огонь под чайником, проверяет, осталась ли заварка, ставит на стол две чашки.

– Рецепты бывают разные, лягушонок...

Я молча жду, скрестив руки на груди. Мы так и сидим в полумраке, не знаю, почему никто из нас не включает свет. Ветер за окном усиливается, и кусты тихо скребутся ветками по стеклу. Чайник нагревается и шумит. Звук привычный и обыденный, но сейчас отчего-то кажется тревожным. А дедулины движения полны таинственности. Наблюдаю за ним, как замороженная: вот дедуля трогает чайник, проверяя, достаточно ли горяч... гасит под ним огонь... аккуратно достает из запретного шкафчика одну из корзинок с пу-

зырьками, долго ищет нужный, поднося каждый к свету под вытяжкой, наконец, удовлетворенно хмыкает, выцарапывает пробку, капает в заварник пару капель чего-то густого и темного... Я втягиваю носом воздух, пытаюсь уловить запах, но ничего не чувствую.

– Что это?

– Просто капельки к чаю, – откликается дедуля, не глядя на меня. – Травки. Помогают уснуть.

Наконец, корзинка с пузырьками возвращается на место, дедуля закрывает дверцу, проверяет, что на этот раз замок сработал, неспешно разливает напиток по чашкам. Снова принохиваюсь – пахнет обычным чаем с мятой.

– Рецепты бывают разные, – повторяет он, усевшись, наконец, напротив. – Прости, это я ошибся. Что-то устал за день, сранья на ногах, вот и облажался.

– Что это за книга? Зачем она тебе?

Дедуля хочет отпить чаю, но мой вопрос останавливает его. Он задумчиво разглядывает меня, будто заново изучает. Глаза подслеповато щурятся в потемках. Может, встать и включить уже свет? Мне не по себе от его взгляда, и я отхлебываю чай, будто пытаюсь спрятаться за чашкой.

– Старинная это книга, лягушонок, наша семейная реликвия, – говорит он, наблюдая за мной. – Много-много поколений у нас хранится, даже не знаю, сколько. Такая старая, что можно было бы продать антикварам и новый дом отстроить.

– А лекарство? Может, расскажешь, чем ты болен?

– Как погуляла? – дедуля внезапно меняет тему. – Понравился город?

Я пожимаю плечами:

– Я пока мало видела. В центре красиво. Так что с лекарством?

Дедуля кивает.

– Ты погуляй еще, осмотришь, – он снова игнорирует мой вопрос. – Мест много красивых. На ЮБК можно съездить, в Симеиз или в Ялту, автобусом недорого.

Теперь понятно в кого я такая упрямая.

– Деда...

– Я расскажу, Яночка. Я все расскажу. Но не сегодня. Ты только не спеши. Дай себе немного времени.

– Мне? А у нас вообще есть время? Я все слышала, дедуль, что ты говорил Гектору про зиму!

– До зимы еще долго.

– Что если ты умрешь раньше?

Впервые произношу это вслух, еще и при дедуле. Да вообще впервые это признаю, вот так четко и осознанно. Я вроде бы все понимала и раньше, но гнала эту мысль, пряталась от нее. А теперь слова вырываются сами собой, и я вдруг понимаю, что до чертиков боюсь: потерять дедулю, неизвестности, всего, что мне придется делать, когда это произойдет. Не просто боюсь – я в паническом ужасе, и у меня почти не осталось ресурсов, чтобы от него защищаться! Кажется, стены вокруг меня начинают рушиться, и я слышу, как часы

отстукивают оставшееся время, и от этого хочется кричать.

– Я не умру раньше.

– Откуда ты знаешь? – голос начинает срываться, потому что горло сводит.

Дедуля только вздыхает:

– Ты все узнаешь, очень скоро, и тогда тебе придется принять решение. Очень важное решение. Я не хочу, чтобы ты принимала его, не узнав этот город, не почувствовав этот дом. Это будет неправильно. И решение не будет... настоящим. Сейчас ты не готова.

– Да о чем ты говоришь? – чудом сдерживаюсь, чтобы не закричать на него.

– Пей чай, лягушонок. Пей чай.

Это выше моих сил. Мне никак его не переспорить, не переубедить. Я просто не могу сопротивляться, еще немного – и зареву, или заору на него. А потом буду жалеть, потому что это совсем неправильно.

Я демонстративно опустошаю чашку в два глотка, звякаю ею о блюдце и покидаю кухню, не говоря ни слова. Не замечая, что дедулин чай так и остался нетронутым.

Глава 4. Сюрпризы. Опять сюрпризы

Просыпаюсь от солнца, которое светит прямо в лицо – зря вечером не закрыла шторы. Высокие кусты наполовину закрывают окна, но это не спасает, лучи все равно проникают в комнату. Лежу, силясь вспомнить, как вообще ушла спать. Последнее, что помню – как ужинала гречей в тишине и потемках. А потом? Будто там за столом и отрубилась.

Встаю. У кровати валяется книга – я читала допоздна?.. Ничего не помню и не понимаю. Голова чумная, и очень хочется пить. По ощущениям похоже на жестокое похмелье. Сама я не пробовала напиваться до такой степени, но в кино это показывают именно так.

Плетусь в ванную. По дороге реагирую на звук и заглядываю на кухню. Дедуля возится у плиты. Вкусно пахнет кофе и чем-то творожным.

– Доброе утро, – мямлю я, потирая глаза.

– Доброе, доброе, лягушонок, – ласково улыбается дедуля.

– Сырники? – пытаюсь угадать с надеждой.

– С медом и ягодным пюре, – кивает дедуля.

Живот откликается урчанием.

– Ммм... Звучит как идеальный завтрак.

Умываясь, слышу, как дедуля мелет что-то блендером – видимо, обещанное ягодное пюре.

Холодная вода разгоняет остатки сонливости, а большая кружка крепкого капучино окончательно приводит меня в чувства. Под умильным взглядом дедули тщательно вымакиваю кусочком румяного сырника остатки безумно вкусного ягодного соуса.

– Хорошо вчера погуляла?

Вспоминаю, что вечером его сморило от усталости и мы так и не поболтали.

С энтузиазмом киваю – говорить не могу, жую сырник.

– Осторожнее, еще подавишься, – улыбается дедуля. – Где была?

– По центру погуляла, в кафе “Снежинка” зашла.

– Вы с мамой часто ходили туда есть мороженное. Тебе там нравилось. Слышал, его переделали.

Вот как. Не случайно название откликнулось и поманило, значит.

– Потом погуляла возле СевГУ, – продолжаю я.

Дедуля приподнимает брови:

– На Гоголя, что ли?

– В Студгородке. А есть еще и на Гоголя?

– Теперь еще и в Голландии. По всему городу корпуса.

– Где?

Вид у меня, наверное, совсем глупый. Но я, и правда, рас-теряна. Не думала, что у СевГУ есть филиалы в Европе.

– В Голландии! – дедуля смеется. – Это район на Северной. Вот у вас в Петербурге есть Новая Голландия, а у нас в Севастополе – просто Голландия. В каком-то смысле они побратимы. Нашу Голландию назвали в честь вашей – те же матросики строили. Можешь как-нибудь прогуляться туда, заодно на катере прокатишься. Не в каждом городе есть морской общественный транспорт.

Чувствую себя немного глупо. Но отчего-то эта внезапная связь городов меня трогает. Есть в этом что-то... милое.

– Ну и как тебе СевГУ?

– Неплохо. Ветрено, зато отовсюду видно море.

– Есть такое дело. Он же над Стрелецкой бухтой стоит. Но как тебя туда занесло?

– Проехала Херсонес...

Мы неспешно болтаем о городе. Дедуля будто знает каждый уголок и рассказывает о Севастополе с такой любовью, что я невольно заражаюсь его эмоциями, хочется дозавтракать и идти гулять: полюбоваться морем, послушать шум волн, побродить по старым улочкам Центрального холма (дедуля особенно вкусно о них рассказывает), добраться, наконец, до Херсонеса, а потом, может, и до “Муссона” – оказалось, раньше это был огромный радиозавод, а теперь – модный торговый центр, а рядом с ним еще один – “Лаванда”. В Севастополе умеют придумывать колоритные названия.

После завтрака помогаю прибраться на кухне, порываюсь помыть посуду, но дедуля сгружает все в посудомойку. В от-

личие от остального дома, кухня у него лишь выглядит старой. Оборудована она по последнему слову техники. О такой кофемашине мы с мамой только мечтали, обходились простой рожковой. Планетарный миксер знаком по видео кулинарных блогеров на Ютубе. Холодильник тоже внушает уважение – большой, двухдверный. Я уже молчу о куче другой техники и ворохе всяких приспособлений для готовки. Наверное, это не удивительно, если ты профессиональный кондитер.

Пылесосу кухню и коридор. Не то, чтобы мы намусорили, но нужно же хоть что-то полезное сделать. Потом звоню маме: ее голос звучит настороженно, она будто опасается чего-то, но на вопрос, что случилось, лишь отмахивается и ссылается на работу, мол из детского дома, который она курирует, пропал какой-то подросток, и все на ушах стоят¹⁰. Дедуля в это время возится в саду. Я порываюсь ему помочь, но он заявляет, что делать уже ничего не нужно, так, мелочи, и отправляет меня гулять по Севастополю. Спорить с ним нет ни сил, ни слов.

Я снова не добираюсь до Херсонеса, вместо этого, вдохновленная рассказом дедули, пару часов брожу по Центральному холму, то и дело читая памятные таблички на домах и сверяясь с картой. Гулять по этим улочкам уютно и интересно: много зелени, невысокие дома, редко выше двух-трех этажей, дороги вымощены брусчаткой, будто дореволю-

¹⁰ Неужели это Сашка из “Арасия. Возвращение” и “Арасия. Золотой дракон”?

ционной: настоящие булыжнички, почти черные, блестящие. Такими в Петербурге вымощены дорожки вокруг Зимнего дворца и перед оградой Летнего сада. А еще на Центральном холме свет какой-то другой, наверное, потому что кроны деревьев часто закрывают небо.

Покупаю мороженное и съедаю его в скверике перед белокаменной церковью Петра и Павла – она необычная, совсем не похожа на православные храмы, скорее на миниатюрный Парфенон, и в первый момент я даже думаю, что ее построили херсонеситы. У церкви нет ни куполов, ни тем более колокольни, зато стены окружает массивная двухрядная колоннада...

На одной из лестниц нахожу компанию разномастных котиков, невероятно дружелюбных. Котики мурчат и лезут на руки. Недолго вожусь с ними, потом покупаю пару пакетиков корма, обещаю еще вернуться и отправляюсь искать легендарную Башню ветров...

Та не производит на меня сильного впечатления, чего не сказать об улице и сквере. И дело не в шикарном Владимирском соборе. Здесь я нахожу настоящую осень. Сквер усажен каштанами, которые почти облетели, с голых веток свисают крупные плоды, будто яблоки. Желто-коричневые листья покрывают газоны и дорожки. Сажу на скамейке, читаю про Владимирский собор, где похоронены четыре великих адмирала: Истомин, Корнилов, Лазарев и Нахимов.

Хочется кофе.

В поисках кофейни я делаю еще круг по Центральному холму и в завершение прогулки выхожу к Матросскому бульвару, который очаровывает меня необычным памятником с ладьей, павильоном в восточном стиле и потрясающими видами на море и площадь Нахимова. Долго сижу на скамейке, читая про Бриг Меркурий: этот медлительный малыш сумел одолеть два турецких боевых фрегата!

В этом все дело – мне интересно узнавать обо всем, что вижу. Севастополь увлекает меня, цепляет неожиданными деталями, заставляет то и дело заглядывать в интернет или на карту. Я не ожидала, что простой приморский городок окажется таким интересным, красивым и героическим! И эта особая энергетика отгоняет страхи и придает мне сил.

Наконец, спускаюсь к набережной, дохожу до самой воды и долго стою там, любясь морем и вдыхая свежий соленый воздух. Здесь прохладно, и я радуюсь, что захватила куртку. Настроение сегодня такое, что думать и разгадывать дедулины загадки совершенно не хочется, идти домой тоже. Я поднимаюсь на верхнюю набережную, сажусь на скамейку и просто смотрю на море: как легкие волны накатывают одна за другой, как пассажирские катера курсируют туда-сюда. “Моя волна” подкидывает “One day” Гэри Мура¹¹, и я вдруг понимаю, что он идеально подходит моему настроению и вообще Севастополю, поэтому ставлю подборку его песен. Мне

¹¹ Ирландский певец, гитарист-виртуоз и автор песен. Работал в жанрах блюз и рок. Яна слушает песню “[Однажды](#)” из альбома 1994 года.

хорошо. Немного зябко, но хорошо и спокойно, как не было с того дня, как узнала о болезни дедули.

На Ревякина возвращаюсь под вечер. Ужинаю вчерашней гречей, потом сижу в саду в плетеном кресле-качалке, кутаюсь в плед и наслаждаюсь тишиной и атмосферой заката: сегодня небо залило нежно-розовым, только облака отливают золотистым. Жаль, деревья закрывают все самое красивое, мне хочется подняться повыше, чтобы видеть больше неба, но в доме нет ни балкона, ни чердака, и я с завистью поглядываю на лавандовый особняк за забором. Дедуля меня не трогает, только приносит чашку вкусного травяного чая с ягодами. Возвращаюсь в дом уже в потемках, размышляя, чем бы заняться – время детское, еще восьми нет.

В гостиной торшер светится уютным пятном. Дедуля устроился на диване и читает. Смотрю на него, пытаюсь разглядеть хоть какой-то признак болезни, сравниваю его с тем, что привыкла видеть по видеосвязи.

– Дедуля...

– Да, лягушонок? – он откладывает книгу.

– Ты точно болен?

Вопрос внезапный, еще и звучит по-дурацки. Не знаю, что меня дернуло, но весь покой сегодняшнего дня вмиг испаряется. Я хочу узнать правду и боюсь ее одновременно, хочется позорно сбежать в свою комнату, но поздно, слова сказаны. Дедуля глядит на меня из-под очков. Странно глядит, будто изучает. Не понимаю, что это может значить. Потом грустно

улыбается, кивает:

– Увы, моя хорошая.

Сажусь рядом с ним:

– Тебя можно вылечить?

Он долго смотрит мимо меня в сторону кухни, задумчиво водит губами, будто прикидывает что-то. Потом поднимает взгляд.

– Боюсь, что нет. Но это не повод грустить. Не нужно раньше времени.

– Не хочу, чтобы ты умирал, – нелепо всхлипываю я.

– Ну вот еще, – дедуля приподнимается, привлекает меня к себе. – Мы же договорились – не сегодня. Никто из нас будущего не знает.

– Но ты сказал “до зимы”! Прости, я случайно услышала твой разговор с Гектором. Совсем немного. Я не подслушивала.

– Вот и не придумывай, раз не знаешь, что услышала. Я совсем не про то говорил.

Я не вижу его лица, но в голосе слышу улыбку. Меня колет виной. Неправильно это все. Не дедуля должен меня утешать и успокаивать, а я его. Но ничего не могу с собой поделать. Сижу, уткнувшись в его плечо, позволяя гладить себя по волосам.

– Яночка, Яночка, маленький ты наш лягушонок, – бормочет дедуля. В его голосе столько тоски, что я еще сильнее утыкаюсь в его плечо. – Есть вещи, которые невозможно

изменить. Их можно только принять. Хоть порой это очень трудно.

– Но при чем тут тогда зима? – не отстаю я. И снова страшно услышать ответ, заранее холодок по спине бежит. Но надо.

– А до зимы мне нужно, чтобы ты влюбилась в Севастополь.

Первая мысль, которая приходит в голову следующим утром – мне нужна работа. Независимо от того, сколько времени я проведу в Севастополе. Два дня прошли в уютном ничегонеделании, было здорово гулять по городу, часами просиживать у моря, как заправский пенсионер, но не каждый же день. В универ я вернусь не раньше чем через год. Не тратить же это время впустую? Да и кто будет содержать меня все это время? Точно не дедуля. Ладно, пока он работает, наверное, какие-то сбережения у него есть, но надолго ли их хватит? Да и мама не потянет обеспечивать два дома, она и с нашим-то еле справляется. Мне пора вставать на ноги, я уже не ребенок, пора становиться независимой и самой себя обеспечивать. Но что я могу? Программист из меня пока не ахти, заказы брать страшно. Но вот репетиторство – другое дело. Информатику и математику я легко могу школьникам

преподавать, может, даже к ЕГЭ готовить, даром что ли столовая.

Встаю с решимостью сразу же после завтрака заняться делом и разобраться, где искать учеников. В доме пахнет омлетом, базиликом и кофе. По дороге на кухню слышу тихое шкрябанье и замираю. Звук идет будто из угла у входной двери. Мыши? Только не это!

– Деда?

Тот выходит из кухни, на ходу снимая фартук.

– У тебя мыши? – отвечаю на его вопросительный взгляд.

– Вот еще глупости! Отродясь ни мышей, ни крыс не было. Да тут котов дворовых столько – всех попереловили давно.

Идем на звук. Я ступаю осторожно, прячусь за дедулину спину как маленький ребенок. Дедуля прислушивается, открывает дверь... На пороге сидит котенок. Крохотный, забавной пятнистой расцветки: черный, золотисто-рыжий и несколько пятен белого. Глаза янтарные, нос будто под линейку поделен на черную и рыжую половины, одна щека белая, другая – черная. Похожих котят я видела на Центральном холме, только те были весенние, уже подросшие, а этому от силы месяц. Он видит меня и радостно бросается навстречу, тарыхтит и трется о ногу, слегка царапает, будто просится на руки. Удивленно беру его, мохнатый теплый комочек. Растерянно смотрю на дедулю. А тот всматривается в меня и хмурится.

– Это твой?

– Да нет, – дедуля задумчиво качает головой, продолжая изучать меня. – Похоже, это твой.

– В смысле мой?

Ситуация больше походит на шутку о том, как заводят котов. Гляжу на дедулю, пытаюсь понять, сердится он или нет. Котенок такой милый, так трогательно прижимается ко мне и тархтит, что я мгновенно проникаюсь к нему симпатией. Конечно мне хочется его оставить! Но я тут в гостях – решать дедуле. Про Питер вообще не думаю, отчего-то мама всегда противилась домашним животным.

– Мне можно его оставить?

– Выбора у нас нет. После завтрака найду старый лоток и миски. А вот едой и наполнителем тебе придется озаботиться самой.

Тон мне не нравится. Дедуля не то, чтобы недоволен, он скорее озабочен и как будто даже слегка напуган. Из-за милахи-котенка? Или не готов к новому питомцу? У дедули долго жила кошка, большая белоснежная ангорка с разноцветными глазами, умерла меньше полугода назад.

– Если ты против... – начинаю я, но дедуля не дает закончить.

– Нет. Яночка, мы не можем его выгнать. Это твой... эм... твой кот.

– Думаешь, это мальчик? Но трехцветными же только девочки бывают, разве нет?

– В том-то и дело... в том-то и дело... – дедуля мягко гладит котенка по голове, коротко чешет за ухом. В ответ на ласку тот мурчит еще громче. – Интересно, как его зовут...

Хороший вопрос. Гляжу в доверчивые янтарные глаза, будто две капли солнца, и имя само собой вспыхивает в голове:

– Ярик! Кажется, тебя зовут Ярик.

Может и дурацкое имя для питомца, но чувствую, что оно правильное. И котенок довольно трется головой о мою грудь, царапает крошечными коготками – будто соглашается.

Завтракаем втроем. Дедуля необычно задумчив, только изредка ворчит, когда Ярик наглеет и лезет прямо в мою тарелку. Скармливаю котенку половину омлета – ему нравится, даю понюхать кофе – недовольно фыркает. Все это так мило, что дедуля в конце концов сдается и улыбается, а я испытываю облегчение – не хочется доставлять ему лишние хлопоты, но с котенком мне будет не так одиноко. Подсознание невольно подсказывает “когда дедули не станет”. Отгоняю эту мысль, буквально уворачиваюсь от нее, как от мяча в детской игре в вышибалу. Не хочу думать о том, что будет.

Наевшись, котенок засыпает прямо у меня на коленях, очень забавно, в один миг, будто выключателем щелкнули. Я сижу, допивая кофе и боясь шевелиться. Дедуля возится с посудой. Потом лезет в запертый шкафчик. Вспоминаю, что там лежат лекарства от Гектора, пытаюсь украдкой заглянуть внутрь, но дедуля слишком быстр. В памяти, будто дежавю,

вдруг возникает корзинка с необычными склянками, глиняными, старинными... Где я их видела? Во сне? Цепляюсь за воспоминание, пытаюсь оживить его, но оно ускользает.

– Яночка...

Дедуля протягивает кольцо. Под его одобрительный кивок примеряю – на среднем пальце сидит вполне надежно. Старинное. Обычно такие выглядят массивно, даже грубо, но это простое, изящное. Золото потемнело от времени, в центре один-единственный камень, совсем небольшой. Сперва думаю, рубин, но никогда не видела, чтобы рубин так менял цвет и прозрачность. Вообще никогда не видела, чтобы камни так себя вели. Пока кольцо было в дедулиных руках, он казался темным и мутным, будто загустевшая кровь, но на моем пальце быстро светлеет и набирает прозрачность, начинает играть на свету.

– Красивое... Что за камень? Это ведь не рубин?

– Не рубин.

Дедуля на редкость лаконичен. Хочу снять кольцо, но он останавливает меня. Смотрит на котенка, потом на меня. Взгляд серьезный.

– Нужно, чтобы ты его носила не снимая. Это важно.

– Зачем?

– Просто сделай это для меня, ладно?

Мне не хочется. И не потому, что кольцо не нравится, нет, оно ничего. Сама бы я такое не купила, но камень меня интригует, интересно понаблюдать за ним. Меня злят новые

тайны. Я только и делаю что-то крайне важное, о чем просят другие, но при этом ничегошеньки не понимаю. Просто так надо. Не успеваю ни фыркнуть, ни сказать что-то – дедуля протягивает CD-диск.

С удивлением гляжу на них по очереди. Дедуля только пожимает плечами:

– Гера просил передать. Вчера еще, но из головы вылетело.

На обложке золотой мозаичный дракон. Да ладно! “Эпидемия”! “Эльфийская рукопись”¹²!

– Ух ты... Я была на этом шоу...

Едва приоткрываю диск, как из него выпадает записка. Прямо на Ярика. Тот мгновенно просыпается и начинает тархтеть. А я разворачиваю записку: “Слушай. Будет вместо AC/DC”. Вот теперь фыркаю. Хочется швырнуть диск на стол, но сдерживаюсь – он ни в чем не виноват.

– Дедуль, а у наших соседей с головой все в порядке?

Тот улыбается:

– У Геры с Гектором? Хорошие ребята.

Да уж, отличные, ничего не скажешь. Хочется пойти и залепить диском по наглой Гериной физиономии. А собственно, почему бы и нет? Осторожно спускаю Ярика на пол, беру диск.

– Дедуль, я сейчас вернусь...

¹² Российская металл-группа. Знаменита металл-мьюзикалами в стиле высоко-го фэнтези. “Эльфийская рукопись” – самый популярный из них.

На улице свежо, по небу бегут облака, периодически закрывают солнце – неужели осень и сюда добралась? Ёжусь на ветру, но возвращаться за курткой не хочется – запал пропадет, да и не настолько холодно. Бегу к соседской калитке, звоню и сразу тарабаню: чугунная дверь гудит в ответ на каждый удар, а я не останавливаюсь, даже когда слышу за оградой быстрые шаги и возмущенное бурчание – пусть знают, что я настроена серьезно. Повезло – дверь открыл именно Гера.

Несколько секунд пялимся друг на друга: он возмущенно-озадаченно, я – злобно.

– Я недоумеваю, – наконец, выдает он и лохматит без того взъерошенные волосы.

В ответ припечатываю к его груди диск:

– Я не ворую. Предпочитаю платить за музыку и книги.

– Одобрю и поддерживаю. Но все равно не понимаю. Ты о чем? “Эпидемия” тебе тоже не по душе? Надеюсь, ты не диском в дверь колотила?

Как же злят его насмешливый тон и снисходительный взгляд!

– “Арию” люблю больше!

Он не пытается подхватить диск, а мне жаль отпустить его – упадет, разобьется. Так и стоим как два идиота. Потом я сдаюсь.

– Ладно, “Эпидемия” мне тоже по душе! Я на Егорова¹³

¹³ Евгений Егоров – текущий вокалист группы.

подписана во всех соцсетях, между прочим! Но самопальные диски слушать не стану!

– Ты его хоть открывала?

Насмешка в голосе такая ясная, что я не могу удержаться, открываю диск, а следом рот в немом восторге: на вкладыше красуется автограф, и не один! Вся группа, что ли, расписалась?

– Откуда? – только и могу выдохнуть.

– Оттуда.

Ух, залепить бы ему за этот самодовольный взгляд. И тут до меня начинает доходить. Такой диск – это ведь большая ценность. Вот так отдать незнакомой соседке? Даже если просто послушать. Мы ведь даже не друзья!

– Подожди... Я не понимаю. Зачем ты его мне отдал?

Гера хочет ответить, явно что-то колкое, вижу по его лицу, но в этот момент в доме что-то грохает, бьется стекло.

– Гера, твою мать! – долетает до нас крик Гектора, и тут же его заглушает песня “Эпидемии”. Где-то за задворках сознания успеваю удивиться, что Гера не соврал, гляжу, как он чертыхается и срывается с места, я чудом успеваю подхватить диск. Хлопаю глазами, но недолго, бросаюсь следом.

– Идиотка, беги к деду, быстро! – не оборачиваясь рывкает Гера.

Ага, сейчас. Сама не понимаю, что на меня нашло. Наверное, упрямая решимость покончить хоть с одной загадкой. Я устала от недомолвок и тайн! Сюда согласилась приехать

в надежде, что все, наконец, прояснится. Так что назад не поверну!

Вслед за Герой влетаю внутрь. Если он и пытался мне помешать, то не очень усердствовал. Успеваю заметить просторный холл и спиральную лестницу, спешу следом за Герой, но передо мной вырастает черная рогатая тень, огромная! Больше всего она похожа на быка-переростка или на... минотавра? Сообразить не успеваю: что бы это ни было, оно несется прямо на меня.

– Какого хрена?! – слышу злой возглас Гектора.

В ответ визжу. Гектор кричит что-то не знакомом языке и, кажется, показывает тени фигу. Гера выныривает из-за угла, что-то швыряет в мою сторону... и тень взрывается в нескольких шагах от меня. Темные дымчатые клочья летят повсюду. Меня швыряет прямо на стену, на миг комната становится ослепительно яркой, а потом я отключаюсь.

– Что она сделала? – кажется, Гектор. – Уследить не могли?

– А ты за братом хорошо следишь? – это дедуля, голос дрожит от гнева. – Одна кровь...

– Вот только не надо!

На пару секунд они замолкают. Потом Гектор задумчиво

продолжает:

– Скорее всего это вообще не причем. От нескольких строк ничего не будет...

– Я понятия не имею, что она успела прочитать. Но фамильяр появился. Понимаешь, что это значит?

– Может, это не фамильяр вовсе, – Гектор продолжает стоять на своем.

– А ты погляди на него! – дедуля злится.

– Да бред это!

– Может, и не бред... – а это Гера.

Понятия не имею, о чем они. Но это раздражает. Хочется отмахнуться, что-то мычу. Не уверена, что получилось, но дедуля шикает. С минуту наслаждаюсь тишиной. Потом Гера задумчиво произносит:

– Может, дадите ей еще той отравы для памяти?

– Сдурел?

Кажется, слышу звук подзатыльника. Гера ойкает.

– Может прекратите? – бурчу я. – Голова и так гудит...

– О, очухалась! – радуется Гера.

Разлепляю глаза. Оказывается, я лежу на диване в дедулиной гостиной. Котенок устроился почти на шее, уткнулся мордочкой мне в подбородок и тихонько тарыхтит. Дедуля, Гектор и Гера собрались вокруг. Попеременно оглядываю всех троих. Как-то неприятно, когда они нависают вот так, уставившись в упор. Неуютно. Хочу подняться, но дедуля останавливает меня:

– Полежи, лягушонок, не спеши...

– Лягушонок? – ухмыляется Гера и пихает брата локтем. – Допрыгался лягушонок.

Бросаю на него испепеляющий взгляд (по крайней мере, рассчитываю, что он именно такой) и поворачиваюсь к дедуле:

– Что случилось?

– На тебя ветка упала, – опережает его Гера. Гектор обреченно закатывает глаза и отворачивается. Смешно ему, что ли? А Гера невозмутимо продолжает объяснять. – С дерева. Огромная такая. Если хочешь, потом принесу ее тебе. На память.

– Чего? Какая ветка?

– Яночка...

Дедуля пытается что-то вставить, но Гера не дает:

– С дерева ветка, говорю же. Видела, возле ворот орех растет? Вот с него. Давно надо было спилить ее. Сто раз Гектору говорил.

– Подожди, я помню... Я принесла диск... Мы говорили... Потом что-то грохнуло, мы побежали в дом... Потом я увидела...

Гера сочувствующе поджимает губы:

– Когда на голову падает бревно, и не такое померещится. Некоторые свет в конце туннеля видят. А то и вовсе чудовищ...

– Ты идиот? – простодушно интересуюсь я.

– Какая меткая характеристика, – еле слышно бурчит дедуля.

Гектор хмыкает. А дедуля не выдерживает:

– Так, давай-ка ты дуй в магазин. Нам котенка кормить нечем. Все лучше, чем чушь болтать.

Пока он выталкивает вяло сопротивляющегося Геру во-свояси, Гектор задумчиво глядит на меня. Мне неловко от его взгляда: лежу тут, поди, растрепанная, с несвежей головой, как говорит мама. Может, перепачканная и исцарапанная. Хороша, поди, картинка. Нервно облизываю губы и пытаюсь украдкой пригладить волосы. Уголок губ Гектора дергается – усмехается, зараза. Будто все мои мысли ему очевидны.

– Кажется, ей лучше. Так что я тоже пойду, пожалуй, – говорит он дедуле. – С ней все будет в порядке.

– С Яной, – устало подсказывает дедуля. Это походит на какую-то старую игру, которая всем надоела, но прекратить не получается.

– Угу, – бурчит Гектор и уходит, не прощаясь.

Дедуля садится рядом со мной. Взгляд озабоченный.

– Как ты? Голова болит?

Приподнимаюсь на локтях – Ярик выпускает коготки, пытаюсь удержаться. Прислушиваюсь к себе: в ушах немного шумно, спину ломит, но в целом нормально. Вот только память подводит – я помню совсем не то, что рассказывал Гера. Но мои воспоминания и правда больше походят на горя-

чечный бред. Тень, минотавр... Может, Гера и прав? Осторожно сажусь, одной рукой придерживая котенка – он упорно не хочет уходить, тарыхтит громче и сильнее тычется носом мне под ухо, пару раз лижет шершавым языком, от этого щекотно и по плечам пробегают мурашки. Гляжу на дедулю.

– Что случилось?

Тот пожимает плечами:

– Меня там не было. Гера с Гектором принесли тебя уже без сознания.

– А версию про ветку я слышала... – заканчиваю я.

– Что ты помнишь?

Лишь качаю головой. Вряд ли моя паранормальная версия дедулю успокоит. Хотя если вспомнить странный разговор, который я услышала, когда приходила в себя. Фамильяр – это же что-то из книг про ведьмочек? А я про них сейчас ничего не читаю, я тут вообще ничего не читаю кроме Википедии и сайтов по истории, как-то совсем не до книг. Может, Гера прав, у меня от удара воображение разыгралось?

Так и не дождавшись ответа, дедуля ненадолго оставляет меня в покое, потом приносит травяной чай. Он вкусно пахнет ромашкой, мятой и малиной. Пью маленькими глотками, наслаждаясь теплом и ароматом, пытаюсь обдумать все, что случилось с того момента, как я приехала в Севастополь. Соображается плохо. Еще и тарыхтенье Ярика усыпляет. Упустим то, что дедуля ничего не объясняет – в этом ничего необычного, к увиливаниям и отговоркам я с детства

привыкла. Но как быть со всем остальным? Странные лекарства, ненормальные соседи, слишком бодрый для умирающего больного дедуля, фотография на стене со мной и мамой – как это все увязать в одно целое?

Голова слегка гудит. То ли от мыслей, то ли от случившегося. Опускаюсь на подушки. Ярик на мгновение выпускает коготки.

Проклятая ветка не дает мне покоя. Вот кому верить: себе или Гере? Ведь Гектор не опроверг, а дедуля не усомнился. Но если на голову падает огромная ветка, разве не должна остаться хотя бы шишка? Ощупываю голову. Она немного болит, но никаких ран нет.

А еще какое-то важное решение, которое мне придется принять... Но какое? Остаться в Севастополе? Стоп. А это вообще о чем, откуда взялась эта мысль, почему я об этом подумала? Пытаюсь вспомнить, кто и когда говорил мне про важное решение, но в памяти туман. Я просто знаю об этом, мысль сама собой всплыла в голове. Час от часу не легче. Мало мне пригрезившихся минотавров и странных бесед про фамильяров, теперь еще и это. Так я скоро не смогу сама себе доверять.

Чай согревает и расслабляет меня. Ярик мило тархтит и мнет лапками мою шею. Глаза сами закрываются, и незаметно я засыпаю.

Глава 5. Свидание

Когда просыпаюсь, в доме удивительно тихо, отчетливо слышно, как тикают часы на стене. Долго лежу с закрытыми глазами, прислушиваясь к окружению и своим ощущениям. Потом открываю глаза и медленно сажусь. Ярик дремлет у меня в ногах, но сейчас поднимает голову и смотрит внимательно. Вид у него умильно-сонный, шерстка на спине топорщится. А я чувствую себя на удивление бодро! Чуть-чуть ноет спина, но в голове ясно и настроение отличное. Только адски хочется пить.

Первым делом смотрю на часы – ух ты, почти четыре, я проспала половину дня. Давно со мной такого не было. Я вообще с трудом засыпаю, пока светит солнце.

Дедуля на кухне сосредоточенно лепит пельмешки. Это так непривычно, что я замираю на пороге, пытаюсь вспомнить, ела ли я вообще когда-нибудь самолепные пельмени или вареники. Ярик вприпрыжку несется следом, врывается в мои ноги, садится рядом и забавно мотает головой. Потом уверенно топает к миске с кормом.

– Ты в магазин ходил? – спрашиваю дедулю.

– Гера принес, и сухой и влажный корм. И наполнитель тоже. Еще когтеточку – я ее в твоей комнате поставил – и пару игрушек.

– Какой молодец, – с издевкой бурчу я. Эта внезапная за-

ботливость соседа-младшего меня злит. Во-первых, она не вяжется с его нагловатостью. А во-вторых, меня опять лишили работы и денег потратить не дали.

– Ты не бурчи. Гера славный парень, хоть и с придурью. Уверен, вы подружитесь. – дедуля добродушно улыбается, снимает очки, чтобы разглядеть меня. – Ты как себя чувствуешь?

Я уже жадно пью воду, поэтому показываю ему колечко из пальцев – все ОК. Только пока набираю чашку повторно, коротко говорю:

– Все в порядке. Даже странно.

– Крымские травки творят чудеса. Ты не сильно ушиблась, все обошлось.

– Ветка прошла по касательной?

Дедуля надевает очки и возвращается к пельмешкам. Ярик замечает какого-то жучка и начинает возню. Я наполняю чашку в третий раз и сажусь напротив дедули, начинаю помогать. Мои пельмешки получаются кривоватые, и дедуле приходится исправлять каждый. Он пытается делать это украдкой, но я все замечаю. Мне неловко быть такой неумелой, но я не сдаюсь. Я же не виновата, что мама никогда не лепила пельмени. Она вообще мало готовит, предпочитает полуфабрикаты или мультиварку, которая все делает вместо нее. Мне порой кажется, мама избегает кухню.

– О чем ты говорил с Гектором? – невинно спрашиваю я, пользуясь общей расслабленностью.

Дедуля глядит из-под очков:

– Когда?

– Ну... пока я была в отключке. Мне показалось, вы что-то такое странное обсуждали, даже спорили...

– Что именно? – дедуля не глядит на меня, сосредоточенно соединяет края пельмешка.

– Что я что-то сделала... И фамильяр появился. Фамильяр – это кто?

– Фамильяр? Спутник ведьм и колдунов. Некоторые народы верили, что в них ведьмовская душа. По мне это глупо: зверушку-то убить всяко проще, чем ведьму.

– И при чем тут я?

Дедуля молчит, перекладывает на доске пельмешки, подправляет мои корявые.

– Ты не при чем. Ты опять ослышалась, лягушонок. Гектор ждет, что я несколько бумаг заполню, вот я и говорил ему, что формуляры у меня уже есть.

Звучит убедительно. Вот только я не верю, что дедуля стал бы обсуждать какие-то документы над полуживым телом единственной внучки. Пусть утрирую, но суть от этого не меняется. Впрочем, с чего вдруг ему обсуждать несуществующих фамильяров – тоже неясно.

– Ммм... А Гера про какую отраву болтал?

Теперь дедуля искренне кажется озадаченным:

– О чем ты?

– Ну он говорил про отраву для памяти.

– О господи. Ты его слушай больше! – в дедулином голосе появляются смешинки. – Этот балбес любые лекарства отравой зовет. Понятия не имею о чем он. Может, про аспирин, чтобы голова не болела.

– Ты же говорил, он хороший, – кладу на доску очередной пельмешек. Мне кажется, у меня начинает получаться. По крайней мере последний вышел неплохо. Хотя бы не кривой. Но дедуля все равно плотнее залепливает ему края.

– Гера-то? Хороший. Да и Гектор тоже.

– Только один музыку на всю улицу врубает, а второй приветливостью не блещет.

– Ты не суди так скоро. Ребята росли без отца. Как и ты. Гектору непросто пришлось. Гера только в школу пошел, когда они вдвоем остались.

– Совсем вдвоем?

Дедуля кивает.

– А как же их мама?

– Она ушла, когда Гере и года не было. Отец сам их растил. А потом и он умер.

– Ого... Как же они жили без взрослых? Или Гектору уже восемнадцать было? – пытаюсь сосчитать, сколько же ему теперь. По-любому выходит больше тридцати.

– Пятнадцать, – поправляет дедуля. – Так и жили. Виктор, отец их, успел позаботиться, чтобы я стал опекуном, и ребята остались в доме. Но все равно трудно было.

Задумчиво гляжу в окно. Дедуля тем временем относит в

холодильник полную пельмешков доску, ставит на стол следующую и присыпает мукой. А я думаю о соседях. Внезапно становится их жаль. Особенно Гектора – это же, получается, все на него свалилось, в пятнадцать лет, в самую юность, когда ветер в голове, хочется гулять и развлекаться, а потом еще и к поступлению готовиться нужно.

– Почему ты стал опекуном, вы же не родственники?

– Не родственники, – соглашается дедуля. – Но нас много связывало, наши семьи долго дружили. Крепко дружили.

Я вспоминаю проржавевшую калитку в боковой ограде, теперь заблокированную новым соседским забором.

– А потом что случилось?

– А потом все разладилось.

– Но ты все равно им помогал? Несмотря на это?

Увлекаюсь так, что забываю про пельмени, просто слушаю дедулю и машинально мну комочек теста. Кажется, мы никогда так не говорили. Много становится понятнее: и некоторые фразочки Геры, и сдержанность Гектора со мной и с дедулей, и тот странный тон, с которым он пояснял про лекарства. Но кто из них троих виноват? Что произошло? Хочу спросить, но дедуля отвечает раньше:

– Это случилось уже когда ребята выросли. А пока росли, конечно, помогал. Гера, считай, за внука мне был. Гектор сперва ничего справлялся, первые несколько лет мы неплохо жили. А в девятнадцать накрыл его дух бунтарский. Гере тогда только-только двенадцать исполнилось, самое начало

переходного возраста, тяжело с ним было, учеба трудно давалась, да и поведение тоже. Сдержанностью его природа не одарила. – Я невольно хмыкаю, а дедуля продолжает. – Брата он тоже не жалел. Вот Гектор и сорвался. Хотел даже из города уехать. Переубедил я его, к счастью. Нельзя было ему уезжать, пропал бы он. Геру я тогда к себе в дом забрал, чтобы у Гектора хоть какая-то личная жизнь появилась. Так до конца школы и продержались. А потом как-то выправилось.

Почему-то мне очень легко все это представить. Я почти их не знаю, но Гера кажется мне открытой душой, по его лицу читать можно, все чувства напоказ, а вот его брат, наоборот, кажется сдержанным, и не потому что обижен на дедулю, а просто характер такой, Гектор держит мысли и эмоции при себе. И я ясно вижу хамоватого подростка Геру, который не дает брату прохода, доставая подколками и наездами, из-за которого в дом невозможно привести девушку, а когда тебе девятнадцать и гормоны играют... Но нужно позаботиться о брате, где-то раздобыть денег и вообще быть не столько братом, сколько родителем... И все бурлит внутри: и желания, и невысказанные обиды. Неудивительно, что Гектор взорвался. Я как-то очень хорошо его понимаю. Может, потому что сама привыкла держать внутри много вопросов.

– Тяжело было, – гляжу в окно. Пусть лавандового дома за гибискусами не видно, но я знаю, что он там. Может, и Гектор там. Мне становится тепло от осознания этого, будто невидимая ниточка протянулась от меня к соседу-старшему.

– Тяжело, – соглашается дедуля, проверяя только что слепленный пельмешек.

– Ты никогда не жаловался. Вообще ничего не рассказывал.

Мне странно, не пойму, что чувствую. Мы с мамой столько лет жили вдвоем, вдали от дедули, виделись только в Скайпе да Телеграме, а у дедули тут была, считай, вторая семья... по сути, другие внуки... Ведь это было важной частью его жизни, наверное, он любил этих ребят, и теперь любит, а я вообще ничего не знаю о них! Это не ревность, просто странно узнавать все вот так.

– Так а зачем тебе знать? Маме твоей иногда жаловался. Но что поделать. Такова жизнь.

Телефон тренькает сообщением:

“Почему не звонишь?”

Сперва не понимаю, кто это. Потом замечаю имя и вспоминаю забавного паренька с веснушками на носу, что повстречался возле СевГУ. Я и забыла уже о нем! И не думала, что он обо мне вспомнит. Выдержал “положенные” три дня? Или сколько прошло времени? Мне вдруг кажется, что я в Севастополе уже вечность!

Откладываю комоч теста, вытираю руки и беру телефон:

“А должна?”

Хочу спросить у дедули про боковую калитку в заборе, но ответ Сергея приходит почти мгновенно:

“Конечно! Мы же договорились кофе пить!”

Не успеваю придумать что-то остроумное в ответ, когда получаю следующее сообщение:

“Я тебя жду!”

“В смысле? Где ждешь?”

Я слегка теряюсь. Выходить из дома мне совсем не хочется – дедуля разговорился, такой момент упускать жалко. И мне интересно узнать больше про соседей: почему калитку замуровали и что случилось между ним и ребятами, из-за чего теперь они так холодно общаются, особенно Гектор. А то и о дедулиной болезни выведать.

“На твоей улице!”

“На Ревякина?” – машинально отвечаю я и тут же понимаю, что меня развели, как ребенка! Но назад не отыграть – сообщение уже получено и прочитано. Черт!

“Отлично, тогда жду у входа на Малашку”

– Дедуль...

“Кофе стынет!” – прилетает следом.

Дедуля в ожидании глядит на меня.

– Что такое Малашка?

– Малахов курган.

– Где это?

– Да в принципе недалеко. “Семерка” или “Сто седьмой” ходят. Ну или пешком. А что?

– У меня, кажется, свидание, – отвечаю смущенно. Чувствую себя странно. Не знаю, почему не отказалась.

– Хорошее дело, сходи. На Малашке интересно. Нахимо-

ва там смертельно ранило, и Корнилова тоже, там ведь один из ключевых бастионов в Крымскую был. Да и в Великую Отечественную тоже, по сей день зенитки стоят...

Дедуля раскатывает тесто для следующей порции пельменек, попутно рассказывает про вечный огонь, про какое-то дерево, про “Севастопольские рассказы” Толстого и “Капитана Сорви-голова” Луи Буссенара. Про какую-то чебуречную в советские годы. Я слушаю краем уха, пытаюсь найти повод остаться. Хотя меня уже тянет туда, на героическую Малашку, к веснушчатому парню Сереже. Почему не могу просто написать ему: “Извини, давай в другой раз”? Почему вдруг хочется его увидеть?

Гляжу на дедулю, замечаю бисеринки пота на лбу и уставший вид.

– Ты хорошо себя чувствуешь?

– Хорошо, хорошо, лягушонок. Ты ступай, правда. Не сиди со стариком. Тут немного осталось, я закончу и отдохнуть лягу, не беспокойся. Как раз закат застанешь, там виды чудесные.

Сергея замечаю сразу. Он стоит на ступенях в нескольких метрах от остановки, болтает с каким-то парнем. Мы встречаемся глазами, Сергей улыбается, его глаза лучатся из-под

очков, и в моей голове снова поют Foreigner. Мне вдруг становится не по себе, вдруг испытываю смутную тревогу, она толкает назад, перейти дорогу, смешаться с толпой, сесть на обратную маршрутку, уехать домой. Но Сергей шагает навстречу, по-свойски берет за руку, и меня окутывает волной спокойствия, а “I wanna know what love is”¹⁴ звучит чуть громче.

Его приятель исчезает как-то сразу, даже не успеваю толком разглядеть его, замечаю только колкий, оценивающий взгляд, какой-то даже жадно-нетерпеливый. В другой день мне стало бы неприятно, но сейчас это кажется незначительным, неважным.

– Где кофе? – спрашиваю Сергея, когда мы поднимаемся по лестнице к воротам парка.

– Наверху, – улыбается он, и от его голоса становится теплее.

Молчим. Отчего-то не хочется говорить, и Сергей как чувствует это, просто ведет меня за руку. От него исходят волны спокойствия, окутывают коконом, отгоняя тревоги и сомнения, и я купаюсь в этом удивительном ощущении, даже кажется, по коже бегают мурашки, предвещающие что-то приятное. Мне не просто хорошо – мне небывало хорошо! Даже чудесно! Свет вокруг тепло-золотистый, небо лениво наливается красками, вкусно пахнет осенними цветами, а в деревьях поют птицы. Парк устроен интересно, будто мно-

¹⁴ [Песня](#) рок-группы Foreigner.

горярусный торт: хочешь – поднимайся по лестнице, ярус за ярусом, хочешь – гуляй по боковым дорожкам. Мы идем по ступенькам вверх, лишь на самой вершине останавливаемся, чтобы полюбоваться видом на Севастополь. Он прекрасен. Лестница убегает вниз, словно коридор, а за колоннами входа на Малахов курган город раскрывается, будто объятия. Белоснежные дома отливают розовым золотом, далеко за ними раскинулось море, отсюда оно кажется застывшим. Вижу даже “Штык и парус” и Константиновскую батарею – их я уже знаю, но не ожидала, что смогу разглядеть отсюда. А над всем этим – бесконечное, бушующее красками небо и огромное, ослепительно-мандариновое солнце, медленно погружающееся в море. Мне кажется, никогда в жизни я не видела ничего прекраснее, даже плакать хочется от восторга и счастья. Кажется, все чувства обострились, внутри ураган эмоций, а закат я чувствую прямо кожей. Сергей тянет меня дальше, но я упираюсь, не хочу, чтобы чудо закончилось без меня, хочу впитать его до последней карминовой капли. Сергей не спорит, просто обнимает меня со спины, ласково дует в макушку, отчего по спине пробегает табун мурашек. Мне вдруг хочется развернуться и поцеловать его, это будет идеальным дополнением всему, что я вижу, но шевельнуться не могу. И произнести ничего не могу.

Идем дальше, только когда закат почти гаснет. Слова по-прежнему не нужны, и я мало что замечаю вокруг – парк проплывает мимо размытым буро-зеленым пятном. Вспыхи-

вает на мгновение полукруглым белым донжоном, а потом Сергей увлекает меня в темную боковую аллею, и парк окончательно выцветает, остается только золотисто-карий цвет глаз Сергея. А вокруг меня много-много теплых воздушных пузырьков, они ласкают и щекочут, так что хочется задержать дыхание и смеяться одновременно. “I wanna know what love is” звучит совсем оглушительно, будто я на рок-концерте. Мне легко-легко, хочется раскинуть руки и кружиться или вовсе подпрыгнуть и плыть по воздуху. Но вместо этого останавливаюсь и целую Сергея, решительно, развязно, нагло. Где-то на задворках угасающего сознания вспыхивают удивление и паника: я целоваться-то толком не умею, делала это лишь однажды! Что на меня нашло? Игнорирую. Прижимаюсь всем телом к Сергею. Чувствую, как его губы расплываются в улыбке, и улыбаюсь в ответ. Целоваться и смеяться одновременно – это так странно, но именно то, что хочется сейчас. Сергей подхватывает меня под ягодицы, наши глаза оказываются на одном уровне. Я обвиваю его ногами. Мы целуемся и кружимся, будто в странном вальсе под рок-балладу. Лучшую из рок-баллад в мире! А может, просто парк кружится вокруг. В какой-то момент чувствую твердость под спиной, лицо Сергея почему-то оказывается надо мной. Подсознание успевает пискнуть в панике, что я делаю что-то не то, неправильное, что надо остановиться, убежать. Лишь дергаю головой, будто отгоняю надоевшего комара – нет, все правильно и идеально, не может быть ни страхов, ни

сомнений. Именно так и должно быть, особенно, если это в первый раз. И я тянусь к губам Сергея и чувствую, как по телу пробегает первая волна удовольствия. На миг вижу его золотисто-карие глаза. Потом почему-то мелькают чужие, почти черные, голодно-жадные. Но мир вокруг начинает вспыхивать небывалыми фейерверками, и я уплываю и неизведанную ранее даль.

Глава 6. Похмелье

Просыпаться не хочется. Открываю глаза на мгновение – комната кажется унылой и серой, свет из окна тоже серый, холодный. Хочется вернуться обратно в сон, пусть не совсем приличный, но такой чудесный и сладкий. Кажется, мне никогда не снились эротические сны, по крайней мере такие яркие и откровенные. Я томно, с удовольствием тянусь, потом ныряю под одеяло с головой.

Медленно начинает доходить. Сон? Какой к чертям сон! Лихорадочно вспоминаю весь вчерашний день: диск “Эпидемии”, соседский дом и обломанная ветка или что это было, пельмешки и разговор с дедулей, приглашение Сергея, белоснежные колонны у входа на Малахов курган и головокружительный закат... а потом... Потом все размыто. Что произошло я помню, но как факт, без деталей, будто и не со мной все происходило. А как попала домой – вообще выпало из памяти. Может, вчерашнее происшествие в соседском доме и удар по голове сказались?

Сажусь на кровати, все еще кутаюсь в одеяло. Мне не по себе, даже слегка потряхивает, будто в ознобе. Во-первых, уже второй раз в Севастополе мне отшибает память. Это так и будет через день? А во-вторых, я вчера лишилась девственности?! Мало того что в парке и с первым встречным, так вдобавок почти ничего не помню! Что же я натворила? Я

ведь ничего не пила, ничегошеньки! Даже чертов кофе! Как же так вышло? Что вообще на меня нашло, почему я вдруг набросилась на незнакомого парня, сама?! Паника стучит внутри, будто молот по наковальне, даже в уши отдает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.